

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 6

1962

Илья ФЕЙНБЕРГ

ПОСЛЕДНИЙ ТРУД ПУШКИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 6

Илья ФЕЙНБЕРГ

ПОСЛЕДНИЙ ТРУД ПУШКИНА

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1962

Илья ФЕЙНБЕРГ

Илья Львович Фейнберг родился в 1905 году. Учился в Московском университете, который окончил в 1924 году. Наряду с исследовательской работой по изучению жизни и творчества Пушкина писал очерки на современные темы. В 1934 году вышла его документальная книга «1914-й год», разоблачающая подготовку империалистической войны.

Во время Великой Отечественной войны И. Л. Фейнберг находился в качестве военного корреспондента сначала на Черноморском, а потом на Северном флоте. Был награжден орденом Красной Звезды и медалями за оборону Одессы, Севастополя и Советского Заполярья.

В последующие годы им были опубликованы исследования о пушкинской «Истории Петра I», рукопись которой была потеряна и до 1938 года оставалась неизданной, и о судьбе Автобиографических записок поэта, большую часть которых Пушкин сжег после 14 декабря 1825 года. Эти исследования И. Л. Фейнберга печатались в 1949—1958 годах в «Вестнике Академии наук СССР» и вошли в его книгу «Незавершенные работы Пушкина», первое издание которой вышло в 1955 году в издательстве «Советский писатель».

Научно-популярные очерки И. Л. Фейнберга о Пушкине печатались в те же годы в журналах «Новый мир», «Молодая гвардия», «Огонек». В Библиотеке «Огонек» вышел в 1958 году его очерк «Автобиографические записки Пушкина».

В течение многих лет И. Л. Фейнберг ведет общественную работу в Пушкинской комиссии Союза писателей СССР, ответственным секретарем которой он состоит с 1940 года.

ПОСЛЕДНИЙ ТРУД ПУШКИНА

ИСТОРИЯ ПЕТРА I

Судьба рукописи

Судьба пушкинской «Истории Петра I» необычна. Этот незавершенный труд был после смерти поэта запрещен Николаем I, затем потерян и оставался больше ста лет неизвестен читателю. Рукопись Пушкина увидела свет только в 1938 году; до того из нее были известны лишь отдельные отрывки.

Рассмотрев черновой исторический труд поэта о Петре, Николай указал: «Сия рукопись издана быть не может...» Император считал, что лицо Петра Великого должно быть предметом благоговения, и имел вполне определенный взгляд на то, как надлежит писать его историю. Между тем в рукописи Пушкина он прочел:

«Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плод ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или по крайней мере, для будущего,— вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика»¹.

В своей незавершенной «Истории» Пушкин раскрыл противоречивый характер петровского царствования, сумев различить в Петре и великого исторического деятеля и «самовластного помещика». Недаром за неделю до смерти поэт говорил, что «историю Петра пока нельзя писать, то есть,— пояснял он,— ее не позволяют печатать».

Между тем слухи о ней широко распространились, а друзья поэта возобновили хлопоты об ее издании: они решили изъять из рукописи строки, в которых нашли свое выражение смелые исторические суждения Пушкина. Но теперь, после того как цензура произвела свои изъятия, незавершенный труд Пушкина не нашел издателя — случай, пожалуй, единственный в истории издания пушкинских рукописей. «История Петра I» погребена была вместе с уложенной в ящики библиотекой Пушкина в

¹ Уточняем этот пушкинский текст на основании «Дела о рукописи А. С. Пушкина: «Материалы для истории Петра Великого». 1840 г., хранящегося в Центральном Государственном историческом архиве (фонд 1066. ед. хр. 904).— И. Ф.

подвалах казарм Конногвардейского полка, которым командовал Ланской — второй муж вдовы поэта. Вместе с библиотекой рукопись перевезена была потом в подмосковное имение Пушкиных — Ивановское, а оттуда — в Лопасненскую усадьбу, принадлежавшую родственникам старшего сына поэта. Здесь, недалеко от Москвы, рукопись «Истории Петра I» была в конце столетия забыта при вывозе из Лопасни книг пушкинской библиотеки.

Она была обнаружена только после революции, когда в Лопасню летом 1917 года переехал внук поэта Григорий Александрович Пушкин. Жившая там племянница жены поэта Наталия Ивановна Гончарова обратила его внимание на исписанные листы, которыми была устлана клетка канарейки, висевшая в усадьбе. Оказалось, что бумага исписана рукой поэта. Тогда только и был обнаружен, вспоминал потом Григорий Александрович Пушкин в письме к П. С. Попову, затерявшийся и уже раскрытый ящик с бумагами Пушкина, объединенными мышами. Часть бумаг была, очевидно, уже утрачена.

В найденном ящике, кроме писем и деловых бумаг, лежали 22 тетради большого формата — в лист. Это и была пропавшая рукопись пушкинской «Истории Петра I». Что касается недостающих тетрадей, то некоторые из них нашлись, к счастью, в том же ящике в виде уцелевшей наполовину цензурной копии.

Безнадежно ли утрачены недостающие пушкинские тетради? Для ответа на этот вопрос мы не располагаем пока достаточными данными. Свидетелем находки, сделанной в Лопасне летом 1917 года, был, кроме скончавшегося в 1940 году Григория Александровича Пушкина, младший брат его, Николай Александрович Пушкин (род. в 1885 г.), уехавший за границу, который опубликовал в 1926 году в Брюсселе в первом номере журнала «Влагоднамеренный» свое сообщение «Об одной неизвестной находке пушкинских рукописей».

«Вот при каких обстоятельствах,— писал он,— мне удалось разыскать историю Петра Великого, или точнее — материалы к ней. Однажды, собираясь из одного из наших имений в Москву, я приказал отправить в город кое-какие деревенские припасы. Мое внимание случайно привлек сверток, завернутый в бумагу, желтоватый цвет и поблекшие, выцветшие чернила которой, несомненно, указывали на ее старину. Заинтересованный, я развернул бумагу, и — можно представить себе мое изумление», — вспоминал Николай Александрович, перед ним оказалось письмо, адресованное Александру Сергеевичу Пушкину.

«Мне также хорошо было известно, что дед никогда не был в этом имении. В полном недоумении, я послал за ключницей и спросил у нее, где она взяла бумагу для упаковки провизии. «Да мы, барин, завсегда берем из ящика, что на чердаке»,—

получил я простодушный ответ... Понятно, пресловутый ящик был немедленно изъят из обладания доброй старушки, и я тотчас же приступил к... обследованию. Кроме довольно значительного количества писем, адресованных деду и носящих исключительно деловой характер, на дне ящика я обнаружил три больших рукописных тома, озаглавленных «Материалы к истории Петра Великого»...

Не называя усадьбы, в которой был найден ящик, Николай Александрович, по-видимому, писал по памяти, и потому не совсем точно, все о той же лопасненской находке.

Когда он опубликовал в Брюсселе свое сообщение, Григорий Александрович еще здравствовал в Москве и утверждал, что автор брюссельского сообщения никаких материалов по Истории Петра I, кроме найденных в Лопасне, не обнаруживал, а все найденные там рукописи, еще до своего отъезда из России, вместе с Григорием Александровичем передал издательству братьев Салаевых.

Устилали ли в Лопасне страницами «Истории Петра I» клетку канарейки, заворачивала ли ключница в них провизию, невольно обратив таким образом внимание потомков Пушкина на его забытую рукопись... Важнее, разумеется, было уточнить, описывал ли Николай Александрович в своем брюссельском сообщении 1926 года найденную им и неизвестную нам до сих пор часть пушкинских рукописей, относящихся к «Истории Петра I», или же говорил об известных нам уже, ныне изданных рукописях Пушкина, найденных в Лопасне.

Николай Александрович Пушкин, который является ныне единственным осведомленным свидетелем лопасненской находки, живет, как я получил возможность выяснить еще в сентябре 1956 года, по-прежнему в Брюсселе¹; в связи с этим мною высказана была в печати надежда на то, что необходимые разъяснения с его стороны, может быть, еще последуют². И действительно, в письме, посланном им из Брюсселя 24 июля 1961 года живущей в Москве правнучке поэта Наталии Сергеевне Шепелевой, Николай Александрович Пушкин сообщил, что «заметки деда по истории Петра I» были найдены им (как он прямо указывает теперь, уточняя свое прежнее сообщение, опубликованное в 1926 году) вместе с братом Григорием

¹ Тогда Бельгию посетила делегация советских поэтов в составе П. Антокольского, С. Михалкова и К. Симонова, которые и выяснили по моей просьбе, что Н. А. Пушкин продолжает здравствовать в Брюсселе.

² См. И. Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина. Изд. 2-е, М. 1958 г., стр. 24.

Александровичем Пушкиным в Лопасне. Рукописи эти, говорит он далее, были переданы «в Пушкинский музей, и, наверное, это они были опубликованы»,—добавляет в своем новом письме Николай Александрович Пушкин¹.

*

Исторический труд Пушкина о Петре в своей большей части все же дошел до нас. Нам известны примерно три четверти его текста. А из пропавшей части его уцелели, по воле судьбы, как раз наиболее важные строки, которые николаевская цензура стремилась скрыть от читателей. Они сохранились благодаря выпискам, сделанным тогда, когда пушкинская «История Петра I» прошла сквозь цензурное чистилище, больше века назад—еще до того, как рукописи ее были потеряны.

Незавершенная «История Петра I» дошла до нас в виде подготовительного текста, в котором Пушкин закрепил результаты изучения им петровской эпохи. С глубокой, поражающей и сегодня пронизательностью читая источники, он стремился установить, как совершались в действительности важнейшие исторические события петровского времени.

Пушкин и дело царевича Алексея

Изображая «крутой и кровавый переворот», совершенный Петром, и стремясь осветить не только положительные, но и отрицательные стороны его личности и исторической деятельности, Пушкин в важнейших местах своей «Истории» обращался к источникам, труднодоступным и даже совсем недоступным в то время другим историкам. К таким запретным источникам обратился он, исследуя дело царевича Алексея, присужденного к смерти по приказу отца.

В столкновении Петра с Алексеем, окончившемся гибелью царевича, воплотилась борьба побеждающей «Молодой России» с реакционной оппозицией, видевшей в царевиче свою надежду. Пушкин пишет: «Петр ненавидел сына, как препятствие настоящее и будущего разрушителя его создания». Не становясь как историк на сторону Алексея, Пушкин стремился выяснить действительную картину связанных с процессом и смертью царевича событий, многие из которых представлялись современникам поэта таинственными (и полтора столетия оставались неизвестны историкам).

¹ Выражаю глубокую благодарность правнучке поэта Натальи Сергеевны Шепелевой, любезно ознакомившей меня с приводимым здесь в извлечении письмом Николая Александровича Пушкина от 24 июля 1961 года.

В начале «Истории Петра I» мы читаем: «Царев...
Петрович родился в 1690 году февраля 29. До 1699 года на...
ся он при матери своей, царице Евдокии Федоровне, когда бы...
она заключена в Суздальский монастырь. Суеверные мамы и
приставники ожесточили его противу отца, а духовные особы
при обучении его православию вкореняли в нем ненависть к
нововведениям...»

Заключив царицу Евдокию в монастырь, Петр решил занять-
ся воспитанием царевича, назначив к нему наставника, которо-
му дал, пишет Пушкин, «письменную инструкцию... чему дол-
жен он обучать царевича; между тем, ожесточенный отрок вы-
учился только притворствовать. Потом Петр произвел его сер-
жантом гвардии, брал его с собою в походы... Петр употреблял
его и в государственные дела, а перед турецким походом пору-
чил ему и главное правление».

Говоря далее, под 1718 годом, о царевиче Алексее, Пушкин
пишет, что Петр «уважал его ум», подчеркивая, что ненависть
Петра к сыну возникла не сразу и по причинам государствен-
ным, а не личным.

Сообщая, что Петр «женит его на принцессе Волфенбитель-
ской», Пушкин замечает: «Она, кажется, изменила мужу с
молодым Левенвольдом. Царевич ее разлюбил и взял себе в на-
ложницу чухонку...». «Чухонке» этой — Ефросинии — суждено
было, как известно, сыграть плачевную роль в судьбе Алексея.

Рассказав историю царевича, предшествующую бегству его
за границу, Пушкин пишет о том, как Алексей привезен был
из Неаполя в Москву Толстым и Румянцевым, которым Петр
приказал разыскать — и любыми средствами возвратить — бе-
жавшего сына.

«3-го февраля велено было гвардейским полкам и двум
ротам grenадер занять все городские ворота. Знатные особы
собрались в столовой Кремлевского дворца. Туда прибыл и
Петр. Царевич без шпаги был приведен и, тав к ногам отца,
подал ему повинное письмо, в коем просил помилования...»

После этого царевич объявлен был «от наследства престола
отрешенным», и знатные особы, духовенство и народ присягну-
ли в Успенском соборе новому наследнику — малолетнему Петру
Петровичу.

Вслед за тем Пушкин приводит ответы Алексея на вопросы
Петра, рассказывает о московском следствии, во время которого
царевич содержался в Преображенском, и, наконец, замечает:
«Дело царевича, казалось, кончено. Вдруг оно возобновилось...»
Неожиданно выяснилось, что он утаил во время московского
следствия некоторые обстоятельства и документы, представляв-
шие большую важность в глазах Петра...

«Спозиция вся (даже сам князь Яков Долгорукий) была на его стороне,— пишет Пушкин о деле царевича.— Духовенство, гонимое протестантом царем, обращало на него все свои надежды». Петр стремился раскрыть его связи с оппозиционными вельможами и церковниками. После окончания московского следствия, сообщает Пушкин, «дьяки представили черновые письма царевича к сенаторам и архиереям», писанные из Неаполя. «В мае прибыл обоз царевича, а с ним и Афросиния», скрывавшаяся во время побега царевича вместе с ним за границей. Пушкин пишет: «Известы ее... были тяжки, царевич отпирался. Пытка развязала ему язык; он показал на себя новые вины».

Пушкин проявляет, таким образом, осведомленность о самых тайных обстоятельствах возобновившегося следствия. «Царевич,— продолжает он,— более и более на себя наговаривал, уstraшенный сильным отцом и изнеможенный истязаниями».

Касаясь подготовки судебного приговора над Алексеем, Пушкин заметил: «Гражданские чины, порознь, объявили единогласно и бесприкословно царевича достойного смертной казни. Духовенство, как бабушка, сказало надвое».

«24 июня,— читаем мы далее,— Толстой объявил в канцелярии Сената новые показания царевича и духовника его (расстриги) Якова. Он представил и своеручные вопросы Петра с ответами Алексея своеручными же (сначала твердою рукой писанными, а потом после кнута — дрожащею) (от 22 июня)». Таким образом, Пушкин обнаруживает даже знакомство с поразившим его внешним видом одного из самых секретных документов следствия. Где мог почерпнуть он все эти скрываемые в его время исторические сведения?

До последнего времени принято было считать, что труд Пушкина целиком основан был на использовании многотомного свода исторических источников, изданного под названием «Деяния Петра Великого» И. И. Голиковым. Между тем в этом своде не содержится никаких сообщений о пытке, которой был подвергнут царевич по приказу Петра. Голиков утверждает даже, будто «розыск» (которому подвергся царевич) не означал пытки. «Слово розыск, как то мы неоднократно изъясняли,— пишет он,— не означало телесного наказания, но значило рассматривание или розыскание дела».

Нет приведенных Пушкиным данных и в опубликованном по желанию Петра сборнике документов, относящихся к процессу царевича, на который Пушкин ссылается под 1716 годом в «Истории Петра I», указывая: «смотри суд над царевичем»,

Нет сообщаемых Пушкиным данных и в других существовавших в пушкинские времена печатных источниках, русских и иностранных. Законодательство петровского времени предусматривало применение пытки; жестокие казни были публичными. Источники того времени молчат о пытке, которой подвергся царевич, потому только, что дело шло о наследнике русского престола и Алексей пытан был по приказу отца. В силу сказанного официальные источники не могли касаться этой запретной темы. Вольтер в своей «Истории России в царствование Петра Великого» также молчит о ней.

Приводя в «Деяниях Петра Великого» извлечения из запрещенных в то время в России книг Брюса и Кокса, Голиков не упоминает о тех строках «Путешествия» Кокса, где сказано: «Бьющие в глаза расхождения между показаниями царевича на первом следствии в Москве и на петербургском процессе, который велся в большой тайне Петром и ближайшими его сотрудниками, заставляют думать, что по отношению к царевичу применены были пытки». Левек в своей «Истории России», вышедшей в Париже в 1782—1783 годах, замечает, что признания, которые царевич сделал перед судьями, стремившимися его погубить, «производят впечатление сделанных по глупой неосторожности или вырванных силой».

Но ни в книге Кокса, о прямом знакомстве Пушкина с которой у нас нет достаточных данных, ни в «Истории» Левека (Пушкину, несомненно, известной) не содержится ничего, кроме предположений и догадок по вопросу о том, подвергся ли пытке царевич. Между тем Пушкин не только указывает, когда пытали царевича,—он, как сказано, ссылается на его показания, писанные раньше «твердою рукой», «а потом после кнута — дрожащею». Приводимые Пушкиным данные можно было найти только в подлинном следственном деле царевича, хранившемся тогда в глубокой тайне в Секретном отделении Государственного архива империи.

До сих пор не изжито еще представление, будто обращение Пушкина к архивным делам петровского времени почти ограничилось получением от царя разрешения «рыться в старых архивах».

Между тем о работе Пушкина в петровских архивах свидетельствуют воспоминания современников и официальные документы. После смерти поэта вице-канцлер Нессельроде извещал шефа жандармов Бенкендорфа, что «покойный камер-юнкер Пушкин занимался в самом доме Министерства иностранных дел прочитыванием и деланием выписок из бумаг, касающихся до царствования императора Петра Великого, и из дел о бунтовщике Пугачеве, для чего отведена была ему особая

комната. По мере прочитывания он возвращал даванные ему бумаги».

«С зимы 1832 года,— читаем мы в «Материалах для биографии Пушкина», изданных в 1855 году П. В. Анненковым,— Пушкин «стал посвящать все свое время работе в архивах... Из квартиры своей в Морской... отправлялся он каждый день в разные ведомства, предоставленные ему для исследований. Он предался новой работе своей с жаром, почти со страстью. Так протекла зима 1832... Весной 1833 года он переехал на дачу, на Черную речку и отправлялся пешком оттуда каждый день в архивы, возвращаясь таким же образом назад».

В Государственном архиве в то время хранились «акты и бумаги, относящиеся до особенных внутренних дел и важнейших происшествий империи». Николай I по своем восшествии на престол, говорит Пушкин в предисловии к своей «Истории Пугачева», приказал привести их в порядок: «Сии сокровища вынесены были из подвалов, где несколько наводнений посетило их и едва не уничтожило».

«Создав для борьбы с нарастающим революционным движением целую систему охранительных органов,—пишет исследователь истории архивного дела И. Л. Маяковский,— Николай I создал и специальное секретное хранилище, в котором должны были быть сосредоточены все документы, касающиеся царской фамилии, борьбы вокруг трона, борьбы самодержавия с революционным движением,— словом, все документы особой политической для самодержавия значимости». Сюда же были переданы из состава «Кабинета его величества» бумаги Петра I. В архив этот и был допущен для занятий Пушкин.

Государственный архив, «который открывался очень немногим», «находился,— писал в своих воспоминаниях историк Устрялов,— в Главном штабе, в верхнем этаже, в Отделении Министерства иностранных дел». Что касается начальника его, Поленова, то «человек он был старый, тяжелый, большой формалист».

В бумагах Пушкина сохранилась опись под заголовком «Дела под названием «Архив императора Петра I». Но опись эта не дает нам ответа на вопрос о том, получил ли Пушкин доступ к делам, хранившимся в Секретном отделении Государственного архива, наиболее недоступным из которых являлось дело царевича Алексея.

Вице-канцлер Нессельроде, которому подчинен был Государственный архив, стремился всячески ограничить данное Пушкину разрешение «рыться в старых архивах». Поэтому он 12 января 1832 года обратился к царю с докладом, в котором сообщал, что «во исполнение высочайшей воли» им уже сделано «распо-

ряжение» о допущении Пушкина в архивы. «Но при этом я осмеливаюсь испросить,— писал Нессельроде,— благоугодно ли будет вашему императорскому величеству, чтобы титулярному советнику Пушкину открыты были все секретные бумаги времен императора Петра I, в здешнем Архиве хранящиеся, как-то: о первой супруге его, о царевице Алексее Петровиче; также дела бывшей Тайной Канцелярии».

Три дня спустя Нессельроде извещал Блудова: «Его императорское величество... повелел... чтобы хранящиеся в здешнем Архиве дел секретные бумаги времен императора Петра I открыты были г. Пушкину не иначе, как по назначению Вашего превосходительства, но, чтобы он прочтением и составлением из них выписок занимался в Коллегии иностранных дел, и ни под каким видом не брал бы вообще всех вверяемых ему бумаг к себе на дом».

Снискавший своим участием в суде над декабристами полное доверие Николая I, Блудов получил в свое ведение и важнейшие политические дела прошлых царствований.

Все это в достаточной мере объясняет, почему Николай I признал необходимым, чтобы «секретные бумаги времени императора Петра I открыты были Пушкину не иначе, как по назначению» графа Блудова. Но воспользовался ли Пушкин полученным разрешением и какие из этих секретных дел были ему открыты «по назначению» Блудова?

Уверенность в том, что Пушкин не получил доступа к секретным следственным документам, хранившимся в деле цареви́ча, была так велика, что исследователи не замечали даже прямой ссылки на архивное дело цареви́ча Алексея, сделанной Пушкиным в рукописи «Истории Петра I». «14 июня,— пишет Пушкин,— Петр прибыл в Сенат, и, представя на суд несчастного сына, повелел читать выписку из страшного дела (*смотри подлинник*)» (Курсив наш.— И. Ф.).

Ссылаясь под 1718 годом на «выписку из страшного дела», Пушкин имел в виду архивный *подлинник*, ибо в печатном издании ее, Пушкину хорошо известном, были опущены все содержащиеся в подлинной «выписке» упоминания о пытке, которой был подвергнут цареви́ч. В «подлиннике» же, на который прямо ссылается Пушкин, не только содержатся все эти указания, но и отмечены места, которые не могли появиться в печатном издании процесса цареви́ча. «Не печатать»,— помечено на полях в ряде мест этой уцелевшей до нашего времени подлинной «выписки». Она хранится теперь вместе с другими документами, входившими в состав секретного когда-то следственного дела цареви́ча, в Центральном Государственном архиве древних актов в Москве.

В этом архивном деле поныне лежат «пыточные речи» царевича от 19 и 24 июня 1718 года. Здесь мы видим и упомянутые выше ответы Алексея на вопросы Петра, писанные царевичем 22 июня, на выразительный внешний вид которых обратил внимание Пушкин. (Историк М. Семевский впоследствии также отметил что эти ответы Алексея писаны «уже рукою не твердою... после кнутавого допроса».)

Изучив подлинное следственное «дело» царевича, мы убеждаемся, что Пушкин почерпнул в нем недоступные в его время другим историкам данные о процессе Алексея.

Сумев благодаря своей страстной настойчивости исследователя получить, несмотря на все возникавшие препятствия, доступ к секретному делу о Пугачеве, Пушкин добился доступа и к другому, не менее секретному делу царевича Алексея¹.

Относящиеся к процессу царевича документы многочисленны, и мы должны поэтому постараться ответить на вопрос, все ли они были показаны Пушкину. Документы, связанные с розыском по делу царевича, как мы убедились, он знал. Но секретный документ из архива Тайной канцелярии, проливающий свет на причину смерти царевича, известен Пушкину не был. Пушкин думал, что царевич отравили по приказу Петра, и поэтому пишет в своей «Истории», что «царевич умер отравленный». Мы имеем теперь возможность установить, на чем основывалось это мнение Пушкина.

Официальная версия гласила, что царевич по выслушании смертного приговора «почувствовал во всем теле ужасную судорогу, от которой на другой день и умер». Вольтер в своей «Истории России в царствование Петра Великого» рассказывает, кроме того, будто Петр явился на зов умирающего Алексея «и тот и другой проливали слезы, несчастный сын просил прощения» и «отец простил его публично». Но примирение запоздало, и Алексей скончался от постигшего его накануне апоплексического удара. Сам Вольтер этой версии не верил и 9 ноября 1761 года, в период работы над своей книгой о Петре Великом, писал Шувалову: «Люди пожимают плечами, когда слышат, что

¹ Во втором — десятитомном — академическом издании сочинений Пушкина, вышедшем в 1958 году, после опубликования в «Вестнике Академии наук СССР», 1955 г., № 1 нашего исследования «Пушкин и дело царевича Алексея», в комментарии введено указание на то, что Пушкин, работая над «Историей Петра I», использовал архивное «дело» царевича.

двадцатитрехлетний принц умер от удара при чтении приговора, на отмену которого он должен был надеяться»¹.

Голиков, отвергая насильственный характер смерти царевича, упоминает в своем труде о Записках капитана Брюса, рассказывавшего, что царевич был отравлен. Пушкин заинтересовался книгой Брюса, в то время в России запрещенной. Из письма А. Я. Вильсона от 18 декабря 1835 года мы узнаем, что книга эта была Пушкину доставлена. «Вместе с сим получить изволите,— писал ему А. Я. Вильсон,— Записки капитана Брюса, в которых найдете много любопытства достойного...»

Вскоре после смерти Пушкина Д. Е. Келлер сделал в дневнике запись о своей встрече с ним, состоявшейся недели за три до смерти поэта. В разговоре с Келлером Пушкин коснулся причины смерти царевича Алексея. Запись Келлера была в свое время опубликована с отточиями, указывающими на какие-то пропуски в тексте ее, и это побуждает нас установить по возможности полный текст ее.

Дневник Келлера находится ныне, как удалось выяснить, в Центральном Государственном военно-историческом архиве в Москве. Раскрыв подлинник, мы получили возможность убедиться, что в печатном тексте записи Келлера о встрече с Пушкиным точками обозначены были места, которые не поддавались прочтению из-за того, что некоторые строки в рукописи дневника тщательно зачеркнуты — теми же чернилами, какими написан весь текст. Келлер внес в свой дневник подлинные слова поэта, но, по-видимому, испугался смелости своей записи и сам зачеркнул их.

Некоторые из зачеркнутых слов оказалось возможным все же прочесть: мне удалось разобрать, что Пушкин показывал Келлеру Записки Брюса. Чтение это подтвердилось тем, что Келлер говорит в своей записи о показанной ему Пушкиным английской книге, где упоминалось не просто «о смерти» царевича Алексея (как печатали ранее), а об отравлении его; версия же об отравлении царевича излагается, как сказано, в Записках Брюса.

Правильность этого чтения была подтверждена специалистами Центральной криминалистической лаборатории, которым удалось восстановить интересующие нас строки в дневнике Келлера, который, как теперь можно считать установленным, писал, вспоминая свою встречу с Пушкиным:

«Он раскрыл мне страницу английской книги, записок Брюса о Петре Великом, в которой упоминается об отраве царевича Алексея Петровича, приговаривая: *«Вот как тогда дела дела-*

¹ Царевич Алексей родился в 1690 году. — Ред.

лись». Я сам читаю теперь эту книгу, но потом, если желаете, ее вам пришлю». «Вот как тогда дела делались» — эти слова Пушкина оставались неизвестными до того, как они были прочитаны методами специального фотографирования¹.

Воस्तановление записки Келлера позволяет нам не только понять, какую именно, говорящую о смерти царевича Алексея, книгу раскрыл Пушкин, но и определить, какую страницу ее он прочел Келлеру. Это была та страница «Записок Брюса», изданных в Лондоне в 1782 году, где рассказывается об отравлении царевича. Вот она в переводе:

«Маршал Вейде, выйдя из крепостного бастиона, где заточен был Алексей (рассказывает Брюс.— И. Ф.), приказал мне пойти к господину Бэру, аптекарю, чья лавка находилась поблизости, и сказать ему, чтобы он приготовил то питье, которое было ему заказано, ибо царевич тяжело болен. Когда я передал это известие господину Бэру, он побледнел, затрясся, задрожал и покзался мне совершенно растерявшимся. Все это настолько удивило меня, что я попросил его объяснить, что с ним происходит. Но он неспособен был что-либо ответить.

В это время пришел сам маршал, который был почти в таком же состоянии, как и аптекарь. Маршал сказал ему, что он должен поторопиться, так как состояние царевича стало после приключившегося с ним апоплексического удара крайне опасным. В ответ на это аптекарь передал маршалу серебряный сосуд, закрытый крышкой, и маршал ушел с ним в помещение царевича; ушел он, шатаясь, как пьяный».

Достоверность сведений об отравлении царевича Алексея, сообщаемых Брюсом, как и Записок Брюса в целом, с полным основанием поставлена под сомнение русскими историками. Но в свое время Пушкин счел изложенную в них версию о смерти царевича верной. Он был прав только в том отношении, что смерть Алексея являлась насильственной.

Устрялов ясно дает понять в своей позднейшей «Истории Петра Великого», что царевич умер, не выдержав пыток, которым был подвергнут в присутствии Петра на другой день после объявления ему смертного приговора. Петр опасался, по-видимому, что царевич унесет в могилу имена сообщников, еще им не названных. Нам известно, что Тайная канцелярия и сам Петр долго еще разыскивали их после смерти Алексея.

Пушкин был введен в заблуждение, когда писал о смерти царевича, потому что архивный документ, позволяющий судить о действительной причине ее, не был ему доступен. Не был по-

¹ Заключение Центральной криминалистической лаборатории Министерства юстиции СССР за подписью старшего научного сотрудника В. Ф. Орловой.

казан он позднее и Устрялову. И лишь воспоминания последнего, напечатанные в 1880 году, открывают нам, откуда Устрялов почерпнул свои сведения.

Когда печатание шестого тома устряловской «Истории», посвященного делу царевича Алексея и изданного в 1859 году, уже «было в полном ходу», говорит Устрялов в своих воспоминаниях, «я отправился к доброму и умному К. И. Арсеньеву», чтобы «узнать у него *наверное*, как умер царевич». Это был тот самый Константин Иванович Арсеньев, с которым за двадцать пять лет до этого Пушкин, по свидетельству В. Г. Григорьева, беседовал в доме Плетнева «о лицах и событиях времен Петра Великого, историю которого собирался тогда писать великий поэт». «О лицах этих и их отношениях между собою — родственных и служебных — говорил Арсеньев с такими подробностями, точно был современником им и близким человеком».

Арсеньев состоял сначала профессором Петербургского университета, а потом преподавал русскую историю цесаревичу Александру (будущему Александру II) и был допущен к занятиям в Государственном архиве. «Я рассказал ему, — передает, вспоминая состарившегося Арсеньева Устрялов, — все, как у меня написано, то есть что царевич умер в каземате от апоплексического удара...

Арсеньев мне возразил: «Нет, не так. Когда я читал историю цесаревичу, потребовали из Государственного архива документы о смерти царевича Алексея. Управляющий архивом Поленов принес бумагу, из которой видно, что царевич 26 июня в восемь часов утра (то есть после объявления ему смертного приговора. — И. Ф.) был пытан в Трубецком раскате, а в восемь часов вечера колокол возвестил о его кончине». Эту бумагу прочли, — приводит Устрялов слова Арсеньева, — запечатали и отдали Поленову, который, — добавляет от себя в этом месте своего рассказа Устрялов, — не сказал мне о том ни слова».

Узнав от Арсеньева о содержании этого секретного архивного документа, Устрялов получил возможность внести содержащиеся в нем сведения в свою «Историю». Пушкин же об этом строго секретном документе так и не узнал и потому сохранил ошибочное представление о причине смерти царевича Алексея.

*

О том, какое значение придавал Пушкин работе в архивах, говорит его письмо к Погодину, которому великий поэт 5 марта 1833 года писал: «Сколько отдельных книг можно составить тут! Сколько творческих мыслей тут могут развиваться!»

В великолепной библиотеке Вольтера, купленной Екатериной II и хранящейся ныне в Ленинграде, стоят и сейчас пять фолиантов в переплетах коровьей кожи; в них содержатся рукописные исторические материалы о России, собранные Вольтером в то время, когда он работал над своей «Историей России в царствование Петра Великого».

Пушкина чрезвычайно интересовали эти материалы. С большим вниманием прочел он говорящие о них письма Вольтера, напечатанные в собрании сочинений великого французского писателя, и многие из писем отметил своими закладками; экземпляр этого 42-томного издания Вольтера сохранился до наших дней в библиотеке Пушкина.

Стремясь ознакомиться с собранными Вольтером материалами, Пушкин решил найти доступ к рукописным историческим источникам, многие из которых Вольтер, как было известно поэту, по различным причинам не пожелал или не смог использовать.

24 февраля 1832 года Пушкин обратился через Бенкендорфа к царю с просьбой «о дозволении» «рассмотреть находящуюся в Эрмитаже библиотеку Вольтера, пользовавшегося разными редкими книгами и рукописями, доставленными ему Шуваловым для составления его «Истории Петра Великого», и пять дней спустя Бенкендорф известил Пушкина, что «его величество всемилостивейше дозволил» ему «рассмотреть находящуюся в Эрмитаже библиотеку Вольтера». Таким образом, для Пушкина сделано было исключение, поскольку Николай I строго запретил кому бы то ни было читать книги Вольтеровой библиотеки и делать из них выписки. Пушкин был единственным русским читателем, которому удалось тогда преодолеть этот запрет.

В одном из своих писем Вольтер сообщал, что, помимо материалов, полученных им из России, он «собирает рукописи по всей Европе и встретил помощь, на какую не смел и надеяться». «По счастливой случайности, — замечает он в том же письме, — я получил мемуары послов» (аккредитованных при дворе Петра I). Таким образом, Пушкин, хорошо знавший переписку Вольтера, мог надеяться найти в его библиотеке не только русские материалы, но и записки иностранных послов при петровском дворе.

Насколько недоступными оставались для историков собранные Вольтером исторические рукописи, можно судить по замечанию, сделанному Устряловым во введении к «Истории царствования Петра Великого»; он считал, что посланные Вольтеру материалы исчезли. «Не жаль потери золотых медалей и доро-

них мехов (присланных из России в подарок Вольтеру.— И. Ф.),— пишет он,— но жаль материалов, которые частью посланы были в подлиннике и утратились невозвратно.

В записной книжке Пушкина сохранился рисунок, изображающий статую Вольтера работы Гудона, которую Николай I приказал поставить подальше от глаз в никем не посещаемую библиотеку Вольтера. Под рисунком этим Пушкин сделал помету: «10 марта, 1832 г. Библиотека Вольтера».

Мы должны постараться установить, ознакомился ли Пушкин в библиотеке Вольтера с интересовавшими его материалами о Петре. И если ознакомился, то что нашел он в них.

В академическом издании сочинений Пушкина вслед за «Историей Петра I» напечатан сохранившийся в бумагах Пушкина «Хронологический перечень главных событий царствования Петра I», представляющий собой список, сделанный Пушкиным с рукописи, находящейся среди бумаг библиотеки Вольтера.

Этот переписанный рукой Пушкина хронологический перечень является прямым доказательством использования им петровских материалов, хранящихся в библиотеке Вольтера. Сделанная Пушкиным обширная выписка является единственной дошедшей до нас; но возможно ли предположить, что, получив доступ ко всем пяти томам рукописных материалов о Петре, собранных Вольтером, Пушкин прочел из них один только этот хронологический перечень и тем ограничился, не обратив внимания на все остальное?

Материалы, собранные Вольтером, переплетены в пять томов и легко обозримы. Пушкин знал об их ценности. Перед ним были не только малодоступные другим историкам источники, уже собранные в коллекцию; рукописи, лежавшие перед ним, соединяли всю заманчивость редкости с доступностью книги, ибо записки современников Петра, в том числе и записки, написанные по-немецки, были переведены для Вольтера на французский язык, которым Пушкин так блестяще владел, и каллиграфически переписаны; чтение их не требовало поэтому от Пушкина ни большого труда, ни чрезмерной затраты времени. Следует добавить, что важнейшие из записок, собранных Вольтером, не могли не обратить на себя внимание Пушкина уже своим внешним видом. Две рукописи из числа собранных Вольтером должны были сразу же привлечь его внимание.

Это прежде всего записки Бассевича, рассказывающего о чрезвычайно интересовавших Пушкина событиях, сопровождавших смерть Петра и воцарение Екатерины I. Петр, по словам Пушкина, «уничтожил всякую законность в порядке наследства и отдал престол на произволение самодержца». За год до смерти

2. Библиотека «Огонек» № 6.

он короновал Екатерину как свою супругу, но умер без завещания, не в силах будучи произнести имя своего преемника и оставляя государство на произвол борющихся между собою за власть дворцовых партий.

С вопросом о правах Екатерины на русский престол и историей ее воцарения тесно связаны были события, происшедшие почти перед самой смертью Петра: неожиданный разрыв его с Екатериной и казнь Монса. Касаясь этих событий, Вольтер, как было известно Пушкину, основывался в своей книге на записках Бассевича (говоря в «Истории Петра I» о казни Монса, Пушкин считал нужным отметить: «Вольтер ссылается на Бассевича... бывшего тогда в Петербурге»). Рукописью записок Бассевича открывается третий том исторических материалов о Петре, сохранившихся в библиотеке Вольтера.

Во втором их томе обращает на себя внимание роскошная по своему виду рукопись «Анекдотов о русском дворе в царствование Петра I и его второй супруги Екатерины». Автором ее назван на титульном листе Вильбуа — «командир русской эскадры». Авторство последнего давно уже поставлено под сомнение: в литературе, посвященной изучению источников петровского времени, было высказано предположение, что действительным автором этих записок являлся французский посол при дворе Петра I Кампредон.

Но независимо от вопроса о том, кто является в действительности автором этих исторических анекдотов о Петре и Екатерине, независимо даже от степени достоверности всех рассказов, входящих в их состав, несомненно, что рукопись, о которой мы говорим, содержит в себе рассказы очевидца, имевшего возможность следить в последние годы царствования Петра за отношениями, сложившимися между Петром и Екатериной. В рукописи этой много занимательных, а отчасти и достоверных сведений и черт, характеризующих петровский двор. Она должна была тем более заинтересовать Пушкина, что на ней, как он знал, основывались Кастера и Сегюр — французские авторы, писавшие о казни Монса, сочинения которых сохранились в библиотеке Пушкина. Рассказы этих иностранных авторов, требовавшие критической оценки, Пушкин получал теперь возможность сопоставить с рукописью тех самых мемуаров, которые являлись их главным источником.

Сказанное не означает, конечно, что Пушкин оставил без внимания остальные материалы о Петре, собранные Вольтером, но мы остаемся здесь только на двух, уже названных, рукописях — записках Бассевича и «Анекдотах» Вильбуа, и постараемся выяснить, что именно Пушкин мог почерпнуть в них.

Записками Бассевича (*министра герцога Гольштейнского*,

указывает Пушкин, упоминая о нем в своей «Истории Петра I») начинается третий из фолиантов Вольтера, и на рукопись эту, как сказано, невозможно не обратить внимания даже при самом беглом ознакомлении с содержанием данного фолианта.

Можно добавить, что письмо Шувалова Вольтеру от 8 июня 1761 года (в котором сообщалось, что рукописи Бассевича посланы Вольтеру) было отмечено в собрании сочинений Вольтера закладкой Пушкина. Трудно поэтому сомневаться в том, что Пушкин, увидев среди бумаг Вольтера рукопись записок Бассевича, прочел ее. Но дело не сводится лишь к внешним данным, указывающим на возможность знакомства Пушкина с рукописью записок Бассевича (точнее говоря, с французским извлечением из них, сохранившимся в бумагах Вольтера).

Рассказав в своих записках о борьбе сторонников возведения на престол малолетнего Петра — сына погибшего царевича Алексея, — стремившихся к восстановлению допетровских порядков, против партии Меншикова и Екатерины, Бассевич пишет:

«Меншиков, Бассевич и кабинет-секретарь Макаров в присутствии императрицы после того с час совещались о том, что оставалось еще сделать, чтобы уничтожить все замыслы против ее величества...

Император скончался на руках своей супруги утром на другой день... Сенаторы, генералы и бояре тотчас же собрались во дворец... Бассевич сказал Ягужинскому: «Уведомляю вас, что казна, крепость, гвардия, синод и множество бояр находятся в распоряжении императрицы». «Передайте это тем, в ком вы принимаете участие, и посоветуйте им сообразоваться с обстоятельствами, если они дорожат своими головами...» «Весть эта быстро распространилась между присутствующими. Когда Бассевич увидел, что она обежала почти все собрание, он подошел и приложил голову к окну, что было условным знаком, и вслед за тем раздался бой барабанов обоих гвардейских полков, окружавших дворец...»

Меншиков говорил сначала от имени императрицы, а потом отвечал ей от имени собравшихся. «Все целовали ей руку, и затем открыты были окна. Она показалась в них народу, окруженная вельможами, которые восклицали: «Да здравствует императрица Екатерина!» Офицеры заставляли повторять эти возгласы солдат, которым князь Меншиков начал бросать деньги пригоршнями...»

Записки Бассевича были, бесспорно, важным источником для историков, изображавших смерть Петра и воцарение Екатерины. Они были впервые опубликованы в 1775 году в «Сборнике новой истории и географии», издававшемся в Германии, но у

нас нет сведений о том, что Пушкин был знаком с этой публикацией. В книге А. Вейдемейера, изданной в 1831 году в Петербурге под названием «Обзор главнейших происшествий в России с кончины Петра Великого до вступления на престол Елисаветы Петровны», в первой же главе, где описывается смерть Петра, автор ссылается за записки Бассевича, приводя подробности вступления на престол Екатерины I. Но изложение записок Бассевича в этой вышедшей в николаевское время книге было, разумеется, сильно смягчено.

Голиков в своих «Деяниях Петра Великого» (которые стояли на рабочем столе Пушкина) утверждал, будто он не знает действительных обстоятельств, сопровождавших возведение на престол Екатерины I, ибо, говорит он,— я «не имею точных о сем в собрании моем записок».

Пушкин же, изобразив в своей «Истории» смерть Петра, кратко и вместе резко указывает: «Екатерина провозглашена императрицей (велением Меншикова, помощью Феофана и тайного советника Макарова)». В этой краткой записи, которую Пушкину предстояло еще, конечно, развернуть в исторический рассказ, отразилась осведомленность Пушкина о действительном ходе событий, представленных, как сказано, Вольтером в смягченном до крайности виде.

Резкость и точность пушкинских строк, касающихся воцарения Екатерины, объясняются тем, что осведомленность его о событиях, сказавшаяся в «Истории Петра I», основывалась, по всем данным, на знакомстве с записками Бассевича, найденными Пушкиным в библиотеке Вольтера. Несмотря на то, что Бассевич являлся сторонником Екатерины и Меншикова, роль последнего представлена была им в записках с достаточной ясностью. И не случайно Анненков, напечатавший в свое время пушкинский рассказ о смерти Петра, принужден был исключить из него строки Пушкина, говорящие о том, что Екатерина провозглашена была императрицей «велением Меншикова...»

В хранящихся среди материалов Вольтера записках, приписываемых Вильбуа, «командиру русской эскадры», содержатся сведения о чрезвычайно интересовавшем Пушкина деле Монса.

Екатерина, говорится в этой рукописи, достигнув всего, что только доступно честолюбию, изменила Петру, вступив в связь с камергером своего двора Монсом. Автор записок говорит, что он подозревал об этой любви, имея возможность видеть Екатерину и Монса вдвоем, хотя не был никем предупрежден об их романе. Увидав Екатерину и Монса в обществе, то есть в кругу

придворных, он окончательно убедился в правильности своих подозрений.

Когда Екатерина почувствовала, что ее ожидает, как сказано в записках, падение с высоты трона в пропасть, она испугалась и захотела прибегнуть к содействию графа Толстого и графа Остермана, ибо царь, получив неопровержимые доказательства неверности Екатерины, желал судебного процесса, стремясь открыто погубить ее. Он говорил о своем плане с Толстым и Остерманом; тот и другой бросились на колени, стремясь отговорить Петра. Они доказывали, что разумнее будет скрыть происшедшее, иначе невозможен станет брак дочерей Петра — Анны и Елизаветы, — которые должны были вскоре вступить в супружество с европейскими принцами.

Петра удалось удержать от задуманного им мщения, и он отомстил иначе: публично отрубив голову любовнику Екатерины (Монс был осужден за должностные преступления, действительно им совершенные).

Автор записок, или «Анекдотов», рассказывает далее, что обезглавленный труп Монса выставлен был на площади вместе с его отрубленной головой и Петр заставил Екатерину проехать вместе с ним в открытых санях мимо самого эшафота. Петр глядел на нее пристально, но Екатерина сумела удержаться от слез и скрыть свои чувства.

В записках рассказывается о приступе ярости, овладевшей Петром, но автор отвергает предположение, что Екатерина отравила Петра; он указывает, что Петр умер от давней своей болезни.

Бассевич в своих записках также упоминает о том, что Петр провез Екатерину мимо столба, к которому пригвождена была голова Монса, но умалчивает о том, что Екатерина и Монс (сторонником которых был Бассевич) находились между собой в тайной связи. «Завистники, — пишет он, — очернили в глазах императора» отношения к императрице сестры Монса госпожи Балк и ее брата. Голиков в «Деяниях Петра Великого» о действительной причине казни Монса, конечно, также умалчивал.

Вольтер, знавший и рукопись, приписываемую Вильбуа, и записки Бассевича, не решился рассказать в своей книге действительную историю казни Монса. Он лишь глухо говорит о «семейных печалях, которые, может быть, причинили» смерть Петру; пишет, что «у Екатерины был один молодой камергер Монс де ля Круа», который «был очень пригож»; пишет, что Монс и сестра его посажены были в тюрьму «за то, что они принимали подарки», несмотря на то, что это запрещено было чиновникам под страхом смертной казни. Рассказывая во Введении к своей «Истории Екатерины II» о деле Монса, Кастера, как было известно Пушкину, упрекал Вольтера за то, что прослав-

ленный писатель не осмелился использовать источники, которыми располагал.

Пушкин же в своей «Истории Петра I» пишет:

«В сие время камергер Монс де ла Кроа и сестра его Балли были казнены. Монс потерял голову; сестра его высечена кнутом. Два ее сына — камергер и паж — разжалованы в солдаты. Другие оштрафованы.

Императрица, бывшая в тайной овязи с Монсом, не смела за него просить, она просила за его сестру. Петр был неумолим».

И продолжает: «Оправдалась ли Екатерина в глазах грозного супруга? по крайней мере ревность и подозрение терзали его. Он повез ее около эшафота, на котором торчала голова несчастного. Он перестал с нею говорить, доступ к нему был ей запрещен. Один только раз, по просьбе любимой его дочери Елизаветы, Петр согласился отобедать с той, которая в течение 20 лет была неразлучною его подругою»...

Пушкин был прекрасно осведомлен о деле Монса. Он основывался, видимо, не только на печатных источниках — и знаком был с рукописными мемуарами, которые прочел в библиотеке Вольтера.

«Парижские бумаги»

Даже в последний месяц, предшествовавший дуэли, Пушкин продолжал работу над своей «Историей Петра I»: в конце декабря 1836 года он сообщал, что «Петр Великий» отнимает у него много времени.

Ему удалось преодолеть недоступность исторических материалов, скрываемых в Государственном архиве империи. Получить доступ к историческим документам, хранившимся в иностранных архивах, Пушкин, которого Николай I не выпускал из России, казалось, не мог. Между тем изучение дневника Александра Тургенева — собирателя зарубежных архивных материалов о России и давнего друга поэта — проливает на этот вопрос неожиданный свет. Пушкин, как теперь выясняется, незадолго до смерти получил возможность ознакомиться с донесениями французских послов при дворе Петра I и его ближайших преемников. Александр Тургенев извлек эти материалы из парижских архивов и, перед тем как представить их Николаю I, показал их, оказывается, Пушкину.

Замечательные по своему содержанию и объему дневники Александра Ивановича Тургенева, те «журналы-фолианты», в которые он, по словам П. А. Вяземского, день за днем, из года в год «прилежно записывал каждый овой шаг, каждую встречу, каждое слово, им слышанное», остаются до сих пор в своей

большей части неизданными. А в давно опубликованных Щеголевым извлечениях из тургеневского дневника есть записи, содержание которых оставалось непонятым из-за того, что Тургенев многое записывал кратко, не раскрывая ясного ему значения букв и упоминаний, какими он обозначал в своем дневнике имена друзей, события и собираемые им исторические материалы. Так, 9 января 1837 года Тургенев записывает:

«Я зашел к Пушкину... Потом он был у меня и мы рассматривали французские бумаги...» 26 января — накануне дуэли — запись Тургенева гласит: *«Я сидел до 4-го часа, перечитывал мои письма»*, — а затем говорится: *«Успел только прочесть Пушкину выписку из Парижских бумаг»*... Строки эти были опубликованы, но не обратили на себя внимания и оставались непонятыми. Между тем содержание их поддается раскрытию, если мы обратимся к неизданным страницам дневника Александра Тургенева за время с марта 1836 года по август 1837 года и к материалам его архива, которые хранятся теперь в Пушкинском доме Академии наук.

«Французскими», или «Парижскими», бумагами, которые он рассматривал с Пушкиным, А. И. Тургенев называет в своем дневнике, как мы убеждаемся, привезенные им в копиях из Парижа архивные исторические материалы. Между записями от 5 и 7 марта 1837 года в дневнике Тургенева сохранилось черновое письмо к П. И. Кривоцу, объясняющее, какие именно «французские бумаги» он привез в 1836 году в Петербург.

Я приехал, пишет Тургенев, с «богатыми и важными приобретениями, в Парижских архивах мною сделанными; особливо в Архиве Министерства иностранных дел, где я списал почти все, относящееся к России, с оригинальных бумаг, начиная с первых сношений наших с Францией прежде Петра I до первых двух годов царствования императрицы Елизаветы Петровны включительно».

В тургеневском архиве нам удалось, кроме того, обнаружить документ под названием «Выписки из архива французского Министерства иностранных дел», который предназначался для представления Николаю I вместе с привезенными Тургеневым историческими материалами. В документе этом перечислены те из привезенных «Парижских бумаг», которые представляли, по мнению Тургенева, наибольший интерес. С ними он, вероятно, в первую очередь и ознакомил Пушкина.

Мы не только узнаем теперь, что Пушкин незадолго до смерти видел документы, важные для историка петровского времени. Изучив неизданные страницы дневника А. И. Тургенева за 1836—1837 годы и его парижские письма, опубликованные Пушкиным в «Современнике», где Тургенев подробно сооб-

шал о своей работе в парижских архивах, и затем, обратившись к «французским бумагам», которые А. И. Тургенев «рассматривал» вместе с поэтом, мы можем установить, с какими недоступными, казалось бы, иностранными материалами начал знакомиться Пушкин в последние недели жизни.

*

Пересылая в 1836 году в Россию свои парижские материалы, Тургенев писал: «Вот третий пакет... В нем и полпуда нет, хотя полвека нашей истории в нем уписалось...». «В одном парижском архиве найдено им *девятнадцать* фолиантов... принадлежащих к царствованию Петра Великого», — сообщал в печати еще при жизни А. И. Тургенева бывший его секретарь.

По первому слуху о том, что Пушкин «назначен историографом Петра Великого», Тургенев уже в 1831 году вызвался помогать ему (как раньше помогал Карамзину, доставляя источники для «Истории Государства Российского»). Работа Тургенева во французских архивах чрезвычайно интересовала Пушкина. В Петербург Александр Тургенев возвратился в конце 1836 года, и два последние месяца своей жизни поэт провел в самом тесном общении с ним. «Пушкин мой сосед, — писал А. И. Тургенев через месяц по приезде в Петербург. — Он полон идей, и мы очень сходимся друг с другом в наших нескончаемых беседах: иные находят его изменившимся, озабоченным и не принимающим в разговоре того участия, которое было прежде столь значительным. Я не из их числа, и мы с трудом кончаем разговор, в сущности не заканчивая его, то есть никогда не исчерпывая начатой темы».

Собираясь представить Николаю I «парижские бумаги», Тургенев готовил в то же время для царя «выписку» из них: она должна была заключать в себе все наиболее интересное из привезенных бумаг, которые становились, таким образом, легко обозримыми. Составлением этой «выписки» Тургенев и занялся в Петербурге с помощью К. С. Сербиновича.

Эту-то «почти готовую» «выписку из парижских бумаг» А. И. Тургенев и «успел прочесть Пушкину» 26 января.

На другой день после дуэли, 28 января, Александр Иванович писал о том, как 27-го на вечере у князя Щербатого услышал он, «что Пушкин ранен и очень опасно...» «Я все не думал о поэте Пушкине, — говорит Тургенев, — ибо видел его накануне, на бале у графини Разумовской, накануне же, т. е. третьего дня, провел с ним часть утра; видел его веселого, полного жизни... Третьего и четвертого дня также я провел с ним большую часть утра; мы читали бумаги, кои готовил он для пятой книжки сво-

его журнала». Таким образом, в эти последние дни Пушкин был занят чтением последней части писем-корреспонденций А. И. Тургенева, посвященных его работе в зарубежных архивах, а затем, 26-го утром, Тургенев прочел Пушкину и «Выписку из парижских бумаг». Поэт слушал ее накануне дуэли; секунданта еще не был им найден, и, расставшись с Тургеневым, Пушкин принужден был в тот же вечер искать его.

«Выпиской из парижских бумаг» и самими бумагами Тургенев продолжал заниматься и 31 января, в день, когда он вместе с другими друзьями поэта перевез его гроб в Конюшенную церковь, и 2 февраля, когда «рано поутру» отправил в Париж с д'Аршиаком, секундантом Дантеса, письмо о смерти Пушкина. В этот день, записал Тургенев, «Жуковский приехал ко мне с известием, что государь назначает меня провожать Пушкина до последнего жилища его». Вслед за тем мы читаем: «К Сербиновичу: условились о бумагах...» Это были все те же «парижские бумаги».

Похоронив в Святых Горах Пушкина, Тургенев возвратился в Петербург и передал через князя А. Н. Голицына царю свои «бумаги» и «записки».

Государь, записал 16 февраля в дневнике Тургенев, «хвалил мои труды, желал бы напечатать; но опасается неудовольствия со стороны французского правительства». Исторические документы, извлеченные из французских архивов, даже век спустя после событий, которых они касались, продолжали считаться неподлежащими оглашению.

Отпуская А. И. Тургенева вновь за границу для дальнейшей работы в архивах, Николай I «просил» его «другим не заниматься». Царь имел в виду не только связи Александра Ивановича с зарубежным окружением его брата — декабриста Николая Тургенева, не вернувшегося в Россию и заочно приговоренного к смертной казни, но и опасался разглашения секретных исторических материалов, компрометирующих царствующий дом.

По рассказу Герцена, издавшего за границей «Записки Екатерины II», несмотря на принятые против этого царским правительством меры, именно А. И. Тургеневу удалось в свое время снять копию с записок императрицы (о чем стало известно Николаю I), и «отсюда пошли все списки, существовавшие в России»¹.

¹ Список «Записок» Екатерины II, принадлежащий Пушкину, был изъят, как известно, после смерти поэта из его бумаг по распоряжению Николая I и обнаружен только в 1949 году при разборе рукописей библиотеки Зимнего дворца В. Н. Шумиловым.

Печатавшиеся Пушкиным в «Современнике» письма-корреспонденции А. И. Тургенева раскрывают нам картину его работы в парижских архивах. Прочитав третью, наиболее содержательную в этом отношении часть его писем, Пушкин 16 января 1837 году писал ему: «Вот Вам ваши письма... Думаю дать этому всему вот какое заглавие: «Труды, изыскания такого-то, или А. И. Т. в Римских и Парижских архивах. Статья глубоко занимательная...» Напечатана она была в пятой книге «Современника», вышедшей уже после смерти Пушкина.

*

В письме из Парижа от 31 мая (12 июня) 1835 года, включенном в состав этой глубоко заинтересовавшей Пушкина «статьи» или «хроники», Тургенев писал: «В самый день моего сюда приезда я был в отделении рукописей Королевской библиотеки... Разбор оных занимает меня с того времени ежедневно». Разрешение заниматься в архиве французского министерства иностранных дел получено было Тургеневым тогда же.

Работа его в этом архиве продолжалась и в 1836 году. В связи с переменами во французском министерстве Тургенев пишет: «И для моих трудов в архиве эта перемена не без хлопот... Хотя Минье и остается главным архивистом, но кто будет министром? Да и согласится ли Минье допускать меня в архив? Я и домогаться этого не буду. Они и без того едва не раскаиваются, что пустили козла в огород.— А сколько капусты! Чем дальше в лес, тем больше дров! Лес вековой, но еще полный жизни исторической!..» Опасения оказались напрасными, вскоре Тургенев сообщает: «Вчера расплатился я с писцами в архиве и унес из моей каморки все мои бумаги!». «Я разбираю теперь собранные мною в двух архивах сокровища и привожу их в порядок».

«История,— писал Тургенев 22 августа (3 сентября) 1835 года,— представляется здесь совсем в ином виде, нежели в обыкновенных обозрениях главных событий в государствах: яono видны тайные политические замыслы, первые, так сказать, зародыши важных исторических происшествий, пружины, коими приводили тогда в действие государственные машины; талант действовавших лиц и правила кабинетов.

Для нас, русских, рисуются тени — столь слабо обозначенные в наших собственных исторических материалах — Головкиных, Ягужинских, Меншиковых, Остерманов, наконец, Петра, о коем говорят иностранцы, правители и министры, послы и агенты всякого рода, не всегда с равным беспристрастием, но всегда с каким-то невольным, вынужденным энтузиазмом к необыкновенному, великому... Европейские кабинеты вдруг заговорили о нем, о России уже, а не о *Московии!*»

Перечисляя «парижские бумаги», представляющие наибольший интерес для историка петровского времени, записка, сохранившаяся в тургеневском архиве, на первое место ставит депеши французского посла в Петербурге Кампредона.

Это были прежде всего интереснейшие донесения Кампредона, рисующие смерть Петра и сопровождавшую ее борьбу за престол между сторонниками Екатерины и старой знатью, стремившейся возвести на трон малолетнего Петра (сына погибшего царевича Алексея). О впечатлении, какое произвели эти донесения на Александра Тургенева, когда он впервые прочитал их в парижском архиве, свидетельствуют письма, вошедшие в «Хронику Русского», которую Пушкин, как помним, нашел «глубоко занимательной».

Основываясь на депешах, отправленных Кампредоном 6 и 10 февраля 1725 года (нового стиля), Тургенев писал: «Приближенные не надеялись, но страшились и за него (Петра.— И. Ф.), и за столицу, ибо войско давно уже не получало жалованья. При дворе были партии; хотя Петр и короновал незадолго перед тем Екатерину, но не все были за нее: хотели регентства». «Будущее России решилось в этой эпохе на долгое время,— замечает Тургенев в другом своем парижском письме.— Главными действующими лицами (были.— И. Ф.) Голстинский принц и министр его Бассевич, Меншиков, Головкин, Толстой, Остерман, Ягужинский и страх двора,— командовавший войсками на Украине фельдмаршал князь Голицын».

Тургенев излагал здесь те именно, получившие впоследствии историческую известность донесения о смерти Петра, о которых Соловьев писал позднее в «Истории России»: «Мы в своем рассказе следуем преимущественно донесениям французского посланника Кампредона, отличающимся полным согласием с обстоятельствами».

А. И. Тургенев, которому принадлежит заслуга извлечения депеш Кампредона из архива французского министерства иностранных дел, первый оценил их значение. (Он ознакомил с ними и своего брата Николая, который в книге «Россия и русские» опубликовал впоследствии извлечения из них, касающиеся «стремления русских вельмож к ограничению монархической власти».) Более чем вероятно поэтому, что Александр Иванович обратил внимание Пушкина прежде всего на донесения Кампредона, которым отведено столь видное место в рукописном тургеневском обозрении «Парижских бумаг».

Сообщая 10 февраля королю Людовiku XV о смерти Петра Великого, Кампредон писал о том, как «перепугалось все на-

селение, опасавшееся каких-либо беспорядков. Опасения эти,—пояснял он,—имели тем большее основание, что никакого определенного распоряжения насчет престолонаследия не было, мнения вельмож по этому вопросу разделились, войско шестнадцать месяцев уже не получало жалования и доведено было до отчаяния непрерывными работами, а ненависть народа к иностранцам достигла до последней степени.

По всем человеческим предвидениям казалось, что счастью вдовствующей императрицы (то есть Екатерины.—И. Ф.) наступил конец и что приближенных ее: князя Меншикова, Толстого и других постигнет та же участь». Между тем, доносил Кампредон, «всемогущему угодно было сделать возможным то, что людям представлялось невозможным». «Орудием всего этого,—пояснял Кампредон,—явился князь Меншиков, склонивший на сторону императрицы гвардейский полк!» Далее он сообщает: «Во время совещания некоторые гвардейские офицеры в сильном волнении кричали, что если совет будет против императрицы, то они разможат головы всем старым боярам. Так кончился этот памятный день...»

В письме, одновременно отправленном Кампредоном в Париж графу де Морвиллю, сообщалось, что, когда наступили последние минуты Петра, «царица находилась у его постели, заливаясь слезами и делая вид, будто ничего не знает о том, что только что произошло», а между тем она заранее приняла все необходимые меры и «имела предусмотрительность заранее послать в крепость деньги для уплаты жалования гарнизону». «Закрыв глаза царю, своему супругу, царица отправилась в залу совета и там, проливая потоки слез, обратилась с речью к сенаторам». Опасность вооруженной борьбы между партиями, образовавшимися во дворце, была все же предотвращена.

Внимание Пушкина вслед за донесениями Кампредона должен был, судя по всему, привлечь также исторический рассказ, чрезвычайно заинтересовавший А. И. Тургенева, о котором Тургенев сообщал в одном из своих парижских писем.

«Сегодня,—писал Тургенев в этом письме из Парижа,—прочел я биографию графа Толстого, которую написал датский министр при дворе Петра I, Екатерины I и Петра II долго находившийся. Он снабдил ею и тогдашнего французского агента при нашем дворе. Автор был отчасти сам свидетель повествуемых им происшествий и знал лично тех, коих характер и действия описывает. Я еще ничего не читал любопытнее сей записки о сей эпохе».

В начале этого «Жизнеописания» Петра Андреевича Толстого мы читаем о переходе его на сторону молодого Петра. «Рассказывают,—говорится в конце «Записки»,—будто его величество

за несколько недель до своей кончины, перечисляя добрые и дурные стороны своих министров, сказал: «Петр Андреевич во всех отношениях человек очень ловкий, только, имея дело с ним, не мешает держать добрый камень в кармане, чтобы разбить ему зубы, в случае, если бы он вздумал кусаться».

В «Записке» этой сообщаются чрезвычайно интересные сведения и о роли Толстого в деле царевича Алексея. О Петре I здесь говорится: «Он отправил Толстого к беглому сыну, поручив ему обещать царевичу прощение, если тот возвратится... Еще до отъезда из Амстердама он (то есть П. А. Толстой.— И. Ф.) составил себе план действий, именно положил сблизиться с любовницей, которую царевич увез с собой из Петербурга,— смысленной и довольно хорошенькой чухонкой. Толстой воспользовался слабой стрункой ее — с самыми горячими и низкими клятвами обещал выдать ее замуж за младшего своего сына и дать за ним тысячу душ крестьян, если только она убедит царевича немедленно вернуться в Россию».

Нет сомнения, что не только привезенные Тургеневым исторические документы, но и его рассказы о них сильно интересовали Пушкина. Напечатанное во втором томе пушкинского «Современника» объяснение «От редакции» характеризует письма Тургенева и его самого как рассказчика: «Глубокомыслие, остроумие, верность и тонкая наблюдательность, оригинальность и индивидуальность слога, полного жизни и движения, которые везде пробиваются сквозь небрежность и беглость выражения, служат лучшим доказательством того, чего можно было бы ожидать от пера, писавшего таким образом про себя, когда следовало бы ему писать про других...». Эти строки прекрасно передают впечатление, какое производили письма и рассказы Тургенева на Пушкина и его друзей.

Мы видим теперь, каким образом Пушкин получил возможность узнать содержание привезенных Александром Тургеневым из Парижа важных исторических документов, использованных в трудах русских историков лишь много позднее. Нет сомнения, что если бы жизнь Пушкина не пресеклась так внезапно, он воспользовался бы в своей «Истории Петра I» материалами, с которыми его начал знакомить А. И. Тургенев.

Тургенев был поражен историческими знаниями поэта о России. Удивление его понятно. Он привез из Парижа донесения Кампредона о смерти Петра. Он имел возможность рассказать Пушкину и «анекдоты» о Петре и Екатерине, содержащиеся в так называемых записках Вильбуа, хранившихся в парижской Королевской библиотеке (17 ноября 1835 года он записал в своем парижском дневнике: «Был в библиотеке, взял оттуда переписанное для меня и отдал Анекдоты Вильбуа»).

Между тем Пушкин знал эти записки не только по извлечениям, приведенным в сочинениях французских историков, писавших о Петре и Екатерине. Он знал их, как об этом рассказано в предыдущей главе, и по рукописи, которую имел возможность прочесть, не выезжая из Петербурга, в библиотеке Вольтера. А найденные Пушкиным в ней же записки Басевича раскрывали многие из обстоятельств, касающихся смерти Петра и описанных в привезенных Тургеневым донесениях Кампредона. Но удивление Тургенева вызвано было, конечно, не только неожиданным для него знакомством Пушкина с подобного рода историческими источниками и редкими рукописями, найти которые, казалось, можно было только в Париже.

Тургенева поразили не только знания Пушкина, основанные на глубоком, самостоятельном изучении русских исторических источников. Немало сделавший сам для познания русского прошлого, Тургенев оказался вместе с тем в состоянии оценить лучше многих глубину, проницательность и верность исторических взглядов Пушкина, способность его «судить», как «никто» другой в эти годы о новой истории России. Обо всем этом Александр Тургенев писал на другой день после смерти Пушкина, сожалел о нем как об историке, не завершившем своего труда:

«...Вчера в 2^{3/4} мы его лишились, лишилась его Россия и Европа...

Последнее время мы часто видались с ним и очень обзавелись, он как-то более полюбил меня, а я находил в нем сокровища таланта, наблюдений и начитанности о России, особенно о Петре и Екатерине, редкие, единственные. Сколько пропало в нем для России, для потомства, знают немногие; но потеря, конечно, незаменимая. Никто так хорошо не судил русскую новейшую историю: он созревал для нее и знал и отыскал в известность многое, чего другие не заметили. Разговор его был полон жизни и любопытных указаний на примечательные пункты и на характеристические черты нашей истории. Ему оставалось дополнить и передать бумаге свои сведения. Великая потеря».

«Судит их история, ибо на царей
и на мертвых нет иного суда».

Пушкин.

«ИСТОРИЯ МОЕГО ВРЕМЕНИ»

НЕИЗУЧЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ ПУШКИНА

До нас дошел так называемый «Дневник» Пушкина — тетрадь большого формата, заключенная в переплет, замыкающийся стальным замком, и содержащая записи, которые Пушкин день за днем заносил в нее в 1833—1835 годах, датируя каждую запись.

Записи Пушкина касаются не только текущей светской и придворной жизни Петербурга, но и минувших — хотя недавних — исторических событий: убийства Павла I, начала царствования Александра I, падения и ссылки Сперанского в 1812 году. Некоторые из них касаются 14 декабря 1825 года и 13 июля 1826 года — дня казни декабристов, который Пушкин назвал в своем «Дневнике» историческим днем.

Содержание этих записей остается во многом нераскрытым, так как многое Пушкин записывал сокращенным, часто лишь для него самого понятным образом. Чтобы раскрыть содержание интересующих нас страниц пушкинского «Дневника», нужно попытаться выяснить сначала, для чего они предназначались.

Высказывалось предположение, что поэт собирал в своем «Дневнике» материалы не только для задуманной им автобиографии, но и для будущих историков. Б. Модзалевский в своем комментарии говорил уже не только о будущих историках, замечая, что «Дневник» Пушкина должен был послужить «ему ли самому или кому другому, как материал для истории его времени». Назначение записей Пушкина, таким образом, до сих пор точно не выяснено. Мы должны постараться понять его замысел и установить, успел ли Пушкин сделать что-либо для его осуществления.

До нас дошло свидетельство о том, что уже во второй половине 20-х годов Пушкин задумал написать историю своего времени. Через два года после восстания декабристов, 15 сентября

1827 года, он сказал одному из своих друзей: «Я непременно напишу историю Петра I, а Александрову — пером Курбского», то есть как обличитель. И добавил: «Непременно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться. Теперь уже можно писать царствование Николая и об 14-м декабря». Пушкин решил, как видим, написать историю александровского царствования. И вместе с тем дал понять, что задуманный им труд может охватить со временем историю 14 декабря и «царствование Николая».

Рассказ поэта об этом историческом замысле записал на другой день после того, как услышал о нем от самого Пушкина, Алексей Вульф, приятель поэта, оставивший нам, по признанию исследователей, ценнейшие сообщения о его литературной деятельности. Но задуманная Пушкиным история своего времени осталась ненаписанной, и этот замысел поэта оставался в тени. Необходимо раскрыть его.

Историю своего времени Пушкин собирался писать, черпая материалы из первоисточников, то есть прежде всего из рассказов и записок участников исторических событий; рассказы эти он и записывал на страницах своего «Дневника». Пушкин сам намекает на это и дает даже понять, что некоторые — наиболее проищательные — собеседники поэта могли догадываться о цели его расспросов. «Вы и Аракчеев,— сказал Пушкин, касаясь царствования Александра I, Сперанскому и заносю свой разговор с ним в «Дневник»,— *вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как гении Зла и Блага*». Сперанский, замечает здесь Пушкин, «отвечал мне комплиментами и советовал мне писать Историю моего времени».

Воспоминания Сперанского и Аракчеева, бесспорно, нужны были Пушкину как материал для истории (и характеристики) царствования Александра I. «Аракчеев... умер. Об этом во всей России жалею я один,— не удалось мне с ним свидеться и наговориться»,— писал (в той же связи, конечно) три недели спустя Пушкин жене.

Многое в своем «Дневнике» Пушкин записывал, как мы уже говорили, сжато, скупым, лишь для него самого понятным образом; и это также свидетельствует, что Пушкин собирал в «Дневнике» материал не только для «будущих историков» или «кого другого», а прежде всего для себя, то есть для осуществления своего исторического замысла.

«Бросается в глаза», что «Дневник» Пушкина, «скользя по незначительным событиям светской жизни, настойчиво отмечает явления, связанные с двумя по-прежнему интересующими поэта датами,— верно заметил в своей статье о пушкинском «Дневнике» Д. Якубович.— Одна из этих дат — 11 марта — убий-

ство Павла. Вторая — 14 декабря». Однако ответа на вопрос, с какой целью касается Пушкин в «Дневнике» названных событий, исследователи не дают. Между тем на вопрос этот можно ответить: события эти Пушкин готовился воссоздать в задуманной им Истории своего времени.

После 14 декабря 1825 года Пушкину пришлось уничтожить свои «Записки». Внося теперь в свой «Дневник» записи, смело касающиеся событий современной ему политической истории, Пушкин должен был найти способы, которые помогли бы ему закрепить и сберечь собираемый для новой работы исторический материал.

Подготавливая изображение исторического события, Пушкин закреплял иногда в «Дневнике» вместо задуманного целого цензурную — на первый взгляд — часть задуманной картины. Закреплял, не только прямо подразумевая порой запретное целое: он при этом иногда осторожно касался в «Дневнике» собранного им изустно (или почерпнутого в записках современников) запретного исторического материала. Такой способ работы облегчал ему возможность воссоздать в дальнейшем задуманную картину.

Писать об 11 марта значило, разумеется, писать не только о Павле, но и об Александре, перешагнувшем через труп отца. И мы находим действительно в «Дневнике» Пушкина сцену, изображающую Александра в первую ночь его царствования. Это место «Дневника» начинается рассказом о том, как вызван был ночью во дворец опальный Троцкий. Он не знает еще о совершившемся убийстве Павла. «Наконец видит он, что ведут его на половину великого князя Александра. Тут только, — пишет Пушкин, — догадался он о перемене, происшедшей в государстве...» «Троцкий нашел государя в мундире, облокотившимся на стол и всего в слезах. Александр кинулся ему на шею и сказал: — Будь моим руководителем. Тут был тотчас же нагисан манифест и подписан государем, не имевшим силы ничем заняться».

Сцена кажется на первый взгляд невинной: так естественно, что молодой император «весь в слезах»: он только что лишился отца. Но прорисованные Пушкиным детали говорят, если вдуматься, о далеко не невинном характере этой сцены. Троцкий, вызванный Александром, чтоб стать его «руководителем», застает нового императора — после только что совершившегося убийства отца — в мундире (известно, что Александр в ожидании исхода заговора оставался ночью 11 марта одетым). И — «всего в слезах». Изображая Александра в ночь дворцового переворота, Пушкин подразумевает при этом другую, неотделимую предшествующую сцену — сцену убийства Павла.

С поражающей современников смелостью поэт изобразил смерть Павла в строфах «Вольности». «Образ правления в России — самовластие, ограниченное удавкой», — заметил он в своих записках в начале 20-х годов. И продолжал позднее с настойчивостью историка собирать рассказы участников заговора 11 марта.

Страницы «Дневника» говорят о собирании и изучении Пушкиным источников, знакомство с которыми давало ему возможность исторически правдиво изобразить убийство Павла и воссоздать в задуманной «Истории» картину 11 марта во всей ее мрачной выразительности. Перед нами не шифр, а записи, в которых Пушкин кратко фиксировал свое знакомство с источниками, говорящими об истории заговора. И если нам удастся обнаружить источники, о знакомстве с которыми свидетельствуют скупые записи Пушкина, мы получим возможность раскрыть содержание его записей.

«Говорили много о Павле I, романтическом нашем императоре», — записал Пушкин 2 июня 1834 года, вспоминая вечер у Карамзиной, где собрались друзья поэта, в числе которых был Полетика. «Я очень люблю Полетику», — добавляет здесь Пушкин. Лишь за несколько дней до того поэт записал в своем «Дневнике» его рассказы о последних годах царствования Екатерины II. Свои воспоминания о Павле Полетика записал сам; обратившись к ним, мы узнаем, какого рода рассказы, живо рисующие обстановку последних лет павловского царствования, сообщал Полетика Пушкину и его друзьям.

«Это было в 1799 или 1800 году», — рассказывает в своих записках Полетика. — Я завидел вдали едущего мне навстречу верхом императора и с ним ненавистного Кутайсова. Таковая встреча была тогда для всех предметом страха... Я успел заблаговременно укрыться за деревянным обветшалым забором, который, как и теперь, окружал Исакиевскую церковь. Когда, смотря в щель забора, я увидел проезжающего государя, то стоявший неподалеку от меня инвалид, один из сторожей за материалами, сказал: «Вот-ста наш Пугачев едет!» Я, обратясь к нему, спросил: «Как ты смеешь так отзываться о своем государе?» Он, поглядев на меня, без всякого смущения отвечал: «А что, барин, ты, видно, и сам так думаешь, ибо прячешься от него». Отвечать было нечего...»

Не менее интересны и другие рассказы Полетики о Павле I, которые были опубликованы впоследствии в его записках. Но это все-таки лишь заинтересовавшие Пушкина рассказы современника, а не участника заговора 11 марта.

В течение первых дней после убийства Павла заговорщики открыто хвастали своим участием в нем, вспоминали совре-

менники поэта. Но вскоре Александр, возведенный на престол заговорщиками, подверг их опале. Рассказы об 11 марта оказались под запретом, и самодержавная власть начала охоту за мемуарами участников заговора. «Наше правительство следит за всеми, кто пишет записки, и по смерти лица покупает их дорогой ценой у наследников», или попросту изымает,— сообщал декабрист Волконский, вспоминая судьбу записок и бумаг Бенигсена и Платона Зубова — главных участников убийства Павла I.

Изучая краткие записи Пушкина об 11 марта, нельзя не удивиться исторической осведомленности его, но сделанные им «про себя» исторические заметки, как сказано, требуют раскрытия. Поддающейся раскрытию записью являются, например, строки пушкинского «Дневника», касающиеся записок генерала Болховского. На первый взгляд эти строки Пушкина представляют только анекдотический интерес; а между тем значение их оказывается существенным, важным.

«Генерал Болховской хотел писать записки (и даже начал их; некогда, в бытность мою в Кишиневе,— вспоминает Пушкин,— он их мне читал). Киселев сказал ему: «Помилуй! Да о чем ты будешь писать? Что ты видел?»—Что я видел?—возразил Болховской.— Да я видел такие вещи, о которых никто и понятия не имеет». «Начиная,—объяснил он,—с того», что он видел смерть Екатерины II,—и рассказал тут же о некоторых анекдотических подробностях ее смерти, очевидцем которых он был. (О том, какой характер носили эти подробности, можно судить по тому, что, вспомнив этот рассказ Болховского, Пушкин в одном из своих сатирических стихотворных набросков упомянул, что Екатерина умерла, «садясь на судно».)

Перед нами, кажется, запись о глупом генерале, который ничего стоящего внимания в жизни не видел, а между тем пишет почему-то мемуары. И на вопрос: «Помилуй! Да о чем ты будешь писать?»—в состоянии дать только анекдотический ответ.

Запись Пушкина действительно касается вопроса о том, что видел Болховской, то есть Пушкин, упоминая о записках Болховского, имеет в виду содержание его воспоминаний (или записок, которые тот читал Пушкину в Кишиневе). Но, касаясь воспоминаний Болховского, Пушкин приводит из них, как видим, только начало их, то есть только «курьезное наблюдение», сделанное Болховским в день смерти Екатерины, ради которого Пушкин и внес — по мнению комментаторов — упоминание о записках Болховского в свой «Дневник».

Между тем рассказом о смерти Екатерины II Болховской мог бы, как он и ответил, разве только начать свои записки: он

стоял во дворце в карауле не только в день смерти Екатерины, но и в ночь смерти Павла. И являлся участником его убийства. Когда имя Болховского произнесено было в присутствии Александра I, молодой император сказал: «Знаете ли вы, что это за человек? Он схватил за волосы мертвую голову моего отца, бросил ее с силой оземь и крикнул: «Вот тиран!» Об этом рассказывает в своих записках начальник тайной полиции при Александре I де Санглен.

Болховской не скрывал своего участия в царевубийстве; он, вспоминая близкая приятельница Пушкина А. О. Смирнова, «этим хвастался». Пушкин знал о подробностях убийства Павла из воспоминаний Болховского: приводя в своем «Дневнике» анекдотический рассказ его о смерти Екатерины, поэт вспоминал, конечно, его рассказ об убийстве Павла.

О том, что Пушкин хорошо знал и помнил рассказ Болховского об 11 марта, свидетельствуют воспоминания Липранди. «Умный разговор» и «известность» Болховского,— пишет он, вспоминая пребывание поэта в Кишиневе,— очень нравились Пушкину, но один раз он чуть-чуть не потерял расположение к себе генерала»,— когда после обеда, «приподнявшись несколько, произнес: «Дмитрий Николаевич! Ваше здоровье».— Это за что? — спросил генерал. «Сегодня 11-е марта»,— отвечал Пушкин... Генерал вспыхнул». Отношения Пушкина с Болховским потом уладились, и поэт продолжал бывать у него, но, замечает Липранди, «как-то реже». В эти годы напоминание об 11 марта стало для Болховского, который прежде «хвастал» своим участием в царевубийстве, нежелательным и даже опасным. Строки воспоминаний Липранди дают, как видим, возможность не предположительно, а с полной уверенностью утверждать, что, говоря в своем «Дневнике» о записках Болховского, Пушкин вспоминал не только рассказ его о смерти Екатерины, но и действительно важное свидетельство его о царевубийстве 11 марта.

Размышляя о том, как могли проникнуть в зарубежную историческую литературу чрезвычайно «верные и подробные известия» об умерщвлении Павла, Александра Осиповна Смирнова писала, что, помимо Болховского, «граф Ланжерон также способствовал разглашению этих ужасных подробностей». И добавляет: «Он написал воспоминания об этой эпохе».

«Революционною бурею выброшенный из своего отечества, он беззаботно и весело прожил век в чужой земле и дослужился у нас до высокого чина и голубой ленты»,— писал о Ланжероне Вигель, мастер злых характеристик и карикатурных

портретов. «С тех пор, как свет стоит, неосновательнее графа Ланжерона еще ничего видно не было», — пояснял он вдобавок. Репутация эта укрепилась за Ланжероном, и изучение отношений его с Пушкиным шло поэтому как-то по касательной: вспоминали большей частью, что граф мучил поэта чтением своих трагедий. Между тем столь нелестное представление о значении, какое имело для Пушкина знакомство с Ланжероном, поверхностно. Поэт сблизился с ним в Одессе и встречался позднее в Петербурге. Ланжерон был, конечно, для Пушкина необычайно интересным рассказчиком. Но, добавим, не только рассказчиком. Воспоминаниями об исторических событиях Ланжерон делился не только в беседах с друзьями: в эти годы он пересматривал и редактировал свои мемуары. Обращение к ним — а они к изучению замыслов Пушкина до сих пор не привлекались — открывает нам важный источник исторической осведомленности поэта.

Мемуары Ланжерона, записавшего в начале царствования Александра I воспоминания Палена и Бенигсена — руководителей заговора 11 марта, с которыми он был в самых дружеских отношениях, очутились после смерти Ланжерона в Париже. Как они попали туда, объясняет найденная мною в бумагах известного собирателя исторических материалов А. И. Тургенева карандашная запись, сделанная на клочке бумаги. Тургенев сообщает в ней, что рукопись своих обширных мемуаров Ланжерон оставил французскому консулу в Одессе, который предложил затем вдове графа издать их. И так как согласиться на это она не решилась, мемуары были пересланы консулом в парижский архив. Они стали сначала поэтому достоянием французских историков; записку «О смерти Павла I», целиком включенную Ланжероном в свои мемуары, впервые использовал Тьер в «Истории консульства и империи».

В России эта записка Ланжерона о смерти Павла смогла увидеть свет лишь после революции 1905 года. (Большая же часть обширных мемуаров Ланжерона остается неизданной.)

Но в своей карандашной записи А. И. Тургенев сообщает, что, прежде чем мемуары Ланжерона очутились в парижском архиве, они читаны были «многими лицами в Одессе — как при жизни графа Ланжерона, так и после смерти его».

С Пушкиным Ланжерон был настолько откровенен, что показывал ему даже писанные незадолго до 11 марта подлинные письма наследника Павла — Александра (будущего императора Александра I). В одном из этих писем Александр признавался Ланжерону: «Я Вам пишу мало и редко, потому что я под топором». Эта фраза, вспоминает Пушкин в своем дневнике 21 мая 1834 года, «меня поразила». «Ланжерон был тогда недоволен,—

добавляет поэт,— и сказал мне: «Вот как он... (Александр.— И. Ф.) писал; он обращался со мною, как с другом, все мне поверял, зато и я был ему предан. Но теперь, право, я готов развязать мой собственный шарф...» Офицерским шарфом задушен был Павел.

Таким образом, Ланжерон, способствовавший, по словам современницы, разглашению «ужасных подробностей» смерти Павла, беседуя с Пушкиным, вспоминал с полной откровенностью о заговоре 11 марта и показывал ему даже надолго запомнившиеся поэту письма наследника. Едва ли можно сомневаться, что Ланжерон, дававший одесским друзьям читать свои мемуары, познакомил Пушкина и с включенными в их состав воспоминаниями Палена и Бенигсена об убийстве Павла. Обращение к мемуарам Ланжерона может объяснить нам поэтому, что знал от него Пушкин о заговоре 11 марта.

Писать об 11 марта значило писать об Александре I, перешагнувшем через труп отца. «Он мог снести все лишения, все страдания, все оскорбления. Только воспоминание о смерти отца, мысль о том, что его могут подозревать в соучастии с убийцами, приводила в исступление»,— говорит в своих воспоминаниях об Александре I монархист Греч.

Александр «окружен был убийцами его отца,— писал Пушкин, вспоминая 11 марта.— Вот причина, почему при жизни его никогда не было бы суда над молодыми заговорщиками, погибшими 14-го декабря. Он услышал бы слишком жестокие истины». Этой жестокой истиной было обвинение Александра в соучастии с заговорщиками.

Записанные Ланжероном воспоминания Палена содержат ясные доказательства виновности Александра. Не решаясь встречаться с наследником, Пален обменивался с ним записками. Но однажды, рассказывает Пален, Павел увлек его в свой кабинет, едва только он успел сунуть в карман записку великого князя. «Император заговорил о вещах безразличных; он был в духе в этот день, развеселился, шутил со мною,— вспоминал Пален,— даже осмелился залезть руками ко мне в карманы, сказав: — Я хочу посмотреть, что там такое, может быть, любовные письма!..

«— Как же выпутались вы из этого опасного положения?»— спросил Ланжерон.

«А вот как,— отвечал Пален,— я сказал императору: «Ваше величество! Что вы делаете? Оставьте! Ведь вы терпеть не можете табаку, а я его усердно нюхаю, мой носовой платок весь пропитан; вы перепачкаете себе руки...» — Тогда он отнял руки и сказал мне: «Фи, какое свинство! Вы правы!..» Вот как я вывернулся».

За четыре дня до того, как удар был наконец нанесен, Павел в упор спросил Палена: «Вы были здесь в 1762 году?» (в этот год заговорщиками задушен был Петр III.—И. Ф.).— «Но почему, ваше величество, задаете вы мне подобный вопрос?» — спросил Пален.— «Потому что хотят повторить 1762 год...»

— Да, ваше величество, хотят! Я это знаю и участвую в заговоре,— отвечал Пален,— и должен делать вид, что участвую... Ибо как мог бы я узнать, что намерены они делать, если не притворюсь, что хочу способствовать их замыслам?... Я держу в руках все нити заговора, и скоро все станет вам известно...»

На этом наш разговор, рассказывал Пален, и остановился; я тотчас же написал про него великому князю, убеждая его завтра же нанести задуманный удар; он заставил меня отсрочить его до 11-го дня, когда дежурным будет третий батальон Семеновского полка, в котором он был уверен еще более, чем в других остальных...»

Но, как рассказывал Пален Ланжерону, Александр потребовал обещания, что, устрояя Павла, заговорщики не станут покушаться на его жизнь. «Я дал ему слово,— сказал Ланжерону Пален, пояснив откровенно: — Я не был настолько лишен смысла, чтобы внутренне взять на себя обязательство исполнить вещь невозможную; но надо было успокоить щепетильность моего будущего государя...» По поводу этой лицемерной «щепетильности» Герцен недаром заметил, что отца Александр «позволил убить — только не до смерти...»

Пален не желал быть, как он и сказал Ланжерону, «ни очевидцем, ни действующим лицом» при умерщвлении Павла. Только «накануне дня, назначенного для выполнения его замыслов, он открыл мне их,— сказал Бенигсен Ланжерону, тут же добавив: — Я согласился на все, что он предложил».

«В намеченный день,— продолжает Бенигсен свой рассказ, слово в слово записанный Ланжероном,— мы все собрались к Палену; я застал там троих Зубовых, Уварова, много офицеров гвардии; все были по меньшей мере разгорячены шампанским». Когда Бенигсен привел заговорщиков к дверям императорской спальни и они ворвались в нее, «Павел забился в одип из углов маленьких ширм, загораживавших простую без полога кровать, на которой он спал...»

Как и все другие...— вспоминал Бенигсен,— я был в парадном мундире, в шарфе, в ленте через плечо, в шляпе и со шпагой в руке». Рассказав о пререканиях, в которые Платон Зубов вступил с императором, Бенигсен не пожелал описать сцену убийства. Заговорщики, сказал он Ланжерону, «теснясь

один на другого, опрокинули ширмы на лампу, стоящую на полу, посреди комнаты, лампа потухла. Я вышел на минуту в другую комнату за свечой, и в течение этого короткого промежутка времени прекратилось существование Павла».

На этом, пишет Ланжерон в своих мемуарах, Бенигсен кончил свой рассказ. И добавляет: «Бенигсен не захотел мне больше ничего говорить, однако оказывается, что он был очевидцем смерти императора, но не участвовал в убийстве...» «Убийцы Павла,— замечает Ланжерон,— не имели ни веревки, ни полотенца, чтобы задушить его; говорят, Скарятин дал свой шарф, и через него погиб Павел».

Обо всем этом Пушкин имел возможность узнать от Ланжерона. Но и до знакомства с ним и после него поэт старался проверить и дополнить собранные им сведения рассказами и записками участников убийства Павла.

По свидетельству одного из современников, Болховской, показывавший Пушкину свои записки, открыто хвалился, будто шарф его получил историческую известность, то есть рассказывал, что его шарфом задушен был Павел. Но Пушкин продолжал расспросы. И 8 марта 1834 года, в том же году, когда он вспоминал о Болховском и его записках, Пушкин записывает в дневнике: «Жуковский поймал недавно на балу у Фикельмон... цареубийцу Скарятину и заставил его рассказывать 11-ое марта... Скарятин,— замечает здесь Пушкин,— снял с себя шарф, прекративший жизнь Павла I». Рассказ Скарятина, как видим, был также известен поэту.

«Уваров один из цареубийц 11-го марта,— записывает Пушкин в тот же день.— На похоронах Уварова покойный государь (Александр I.— И. Ф.) следовал за гробом. Аракчеев сказал громко: «Один царь здесь его провожает, каково-то другой там его встретит?»

Своеобразным источником для истории 11 марта были записки вдовы Павла — императрицы Марии Федоровны, которая, услышав, что Павел убит, выбежала босиком, в ночной сорочке, крича по-немецки: «Я хочу царствовать!» — а также записки Елизаветы Алексеевны — жены Александра I. Пушкин жалел, что они уничтожены. «Елизавета Алексеевна писала свои записки,— говорит он в «Дневнике»,— они были сожжены ее фрейлиною; Мария Федоровна также,— государь (Николай Павлович.— И. Ф.) сжег их по ее приказанию. Какая потеря!»

Декабристы с негодованием отвергали «серальный», то есть дворцовый, переворот. Об убийстве Павла Пушкин в стихах «Вольности» сказал:

Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.

Позднее, как историк, он стремится воссоздать политическую историю заговора, окончившегося простой сменой царя, а не введением в России обещанной молодым Александром «хартии», то есть конституции, ограничивающей власть самодержца.

Или Пален, стоявший во главе заговора, ни Бенигсен, руководивший исполнением его, не уделили в своих воспоминаниях внимания этой чрезвычайно важной для Пушкина исторической стороне вопроса. Ей посвящена запись, сделанная Пушкиным на отдельном листе, под которой помечено: «Слышал от Дмитриева».

Записками Дмитриева, поэта и министра, Пушкин воспользовался в своей Истории Пугачева (Дмитриев присутствовал при казни его). «Записки Дмитриева содержат много любопытного,— заметил друг Пушкина Вяземский.— Но жаль, что он пишет их в мундире. По-настоящему должно приложить бы к ним словесные прибавления, заимствованные из его разговоров, обыкновенно откровенных, особливо же в избранном кругу». Таким словесным прибавлением и является рассказ его, записанный Пушкиным. Вот этот рассказ:

«Дмитриев предлагал императору Александру Муравьева в сенаторы. Царь отказал начисто и помолчав объяснил на то причину. Он был в заговоре Палена. Пален заставил Муравьева писать конституцию,— а между тем произошло дело 11 марта. Муравьев хвастался, в последствии времени, что он будто бы не иначе соглашался на революцию (то есть на устранение Павла и возведение на престол Александра.— И. Ф.), как с тем, чтобы наследник подписал хартию. Вздор.— План был начертан Рибасом и Паниным. Первый отстал, раскаясь и будучи осыпан милостями Павла.— Падение Панина произошло оттого, что он сказал, что все произошло по его плану. Слова сии были доведены до государыни Марии Федоровны — и Панин был удален».

Пушкин знал, таким образом, о первоначальном пресекте заговорщиков: не только устранить Павла, но и потребовать от Александра «хартию», ограничивающую самодержавную власть. Знал историю падения Панина, которому принадлежали и первоначальный план заговора и мысль о конституции. Но, воспользовавшись плодами дворцового переворота, Александр обманул ожидания и не подписал обещанной «хартии».

«Властитель слабый и лукавый»,— писал о нем Пушкин в «Онегине»...

Если мы вернемся теперь к сцене, изображающей Александра в первые часы его царствования, зная, что Пушкин подготавливал правдивое изображение убийства Павла, значение этой сцены предстанет перед нами в настоящем свете. Можно добавить, что Пушкин не случайно изображает Александра в эти первые часы таким же слабым (все делают за него другие), «не имеющим силы ничем заняться», каким новый император обнаружил себя впоследствии во все решающие дни своего царствования. «Под Австерлицем он бежал — В 12 году дрожал», — сказал Пушкин о нем в эпиграмме. Таким же слабым, «не имеющим силы ничем заняться» изображен он и в час стихийного бедствия — в «Медном Всаднике».

Рассказы, включенные Пушкиным в «Дневник», полны не только исторического, но и художественного смысла и не являются поэтому всего лишь сырым историческим материалом — простой записью событий. Пушкин намечает целые исторические сцены, попутно изображая иногда не только основных, но и второстепенных участников событий. Читая записанный Пушкиным в «Дневнике» рассказ, касающийся 11 марта, мы видим не только Александра I, но и вызванного во дворец Трошинского. Перед нами не только портрет, но и пейзаж, исторический пейзаж, вправе сказать читатель. Пушкин изображает как будто только необходимые обстоятельства действия: фельдгегерь стучится в ворота спящего дома, будит его, отыскав камень в протаявшем снегу и пустив его в окошко, — и мы видим петербургскую мартовскую ночь, ночь смерти Павла.

О заговоре 11 марта Пушкин, как мы убеждаемся, знал очень многое. Он задумал, кроме истории, написать драму «Павел». Изучение пушкинских записей и исторических материалов, с которыми Пушкин успел ознакомиться, бросает свет на замыслы, осуществить которые ему не было суждено.

*

Николай I в пушкинском «Дневнике» показан в минуту, когда ему доносят о только что совершенной казни декабристов.

Печатаемая «Записки» декабриста Якушкина, Герцен счел нужным дополнить строки, посвященные в них описанию казни, рассказом Дениса Давыдова, изображающим Николая I в ночь перед казнью. «Станный характер у нашего нынешнего государя, — писал Денис Давыдов. — Накануне казни главнейших заговорщиков 14 декабря он во весь вечер изыскивал все способы, чтобы придать этой картине наиболее мрачный характер, — в течение ночи последовало высочайшее повеление, на основании которого приказано было барабанщикам бить во всё время бой, какой употребляется при наказании солдат сквозь

строй». «Какой нрав был у этого человека, еще совсем молодого в 1826 году», — замечает по этому поводу Герцен.

Образ Николая, каким он предстает в ночь перед казнью, остановил на себе внимание Льва Толстого в пору его работы над романом о декабристах. Прочитав собственноручное повеление Николая, определявшее обряд казни декабристов, и обратив особенное внимание, как и Денис Давыдов, на приказ Николая — «когда их выведут, барабанам пробить мелкую дробь», — Толстой заметил: «Для меня это ключ, отперший не столько историческую, сколько психологическую дверь».

Денис Давыдов изобразил в своих «Записках» ночь приговорившего к казни. Пушкин показывает Николая в день казни. «13 июля 1826 года в полдень государь находился в Царском селе, — пишет Пушкин, казалось бы, бесстрастно фиксируя подробности исторического дня. — Он стоял над прудом, что за Кагульским памятником, и бросал платок в воду, заставляя собаку свою вынестить его на берег. В эту минуту слуга прибежал сказать ему что-то на ухо. Царь бросил и собаку и платок и побежал во дворец. Собака, выплыв на берег и не нашед его, оставила платок и побежала за ним». Фрейлина, записывает Пушкин, «подняла платок в память исторического дня».

Рассказ Пушкина также является ключом, отпирающим «не столько историческую, сколько психологическую дверь». Рассказ этот Пушкин записал со слов фрейлины А. О. Россет-Смирновой. Но сравните строки Пушкина с передачей того же рассказа, сделанной со слов А. О. Смирновой ее дочерью, и вы увидите, как Пушкин, не выходя, казалось бы, за пределы протокольного исторического свидетельства, немногими средствами создает выразительную сцену, точнее, одно из явлений задуманной им исторической картины, посвященной казни декабристов.

«Не поддается перу, что во мне происходит, у меня какое-то лихорадочное состояние, которое я не могу определить... — писал Николай I накануне казни императрице-матери. — Голова моя плохо и совершенно идет кругом... Завтра в три часа утра это дело должно совершиться...» Николай опасался новых волнений в столице или даже вооруженного сопротивления в день казни. После того, как она совершилась, он, все еще не успокоившись, на полях присланного донесения о казни приказывал: «...На сегодня и на завтра возможно более осторожности». И велел передать шефу жандармов, «чтобы он удвоил бдительность и внимание», добавив: «Тот же приказ — и по войскам».

С нетерпением ожидая в Царском селе известия о совершившейся казни, он стоял в полдень 13 июля над прудом в Царско-

сельском парке. И, читаем мы у Пушкина, «бросал платок в воду, заставляя собаку свою выносить его на берег». Хотел ли царь отвлечься от того лихорадочного волнения, о котором писал накануне матери, не сознавал ли всей неуместности забавы, которой развлекался в час казни? Но Пушкин счел нужным показать его таким, каков он был в эту историческую минуту.

«В эту минуту,— пишет Пушкин,— слуга прибежал сказать ему что-то на ухо» (известие о прибытии из Петербурга курьера с сообщением о совершившейся казни слуга не решается сообщить вслух и шепчет его царю на ухо). В передаче О. Н. Смирновой лакей, так же как в рассказе Пушкина, «прибежал» к государю. Но государь, услышав известие о казни, не бежит: это было бы неприлично. «Государь,— пишет О. Н. Смирнова,— *направился большими шагами ко дворцу*». «Царь бросил и собаку и платок и побежал во дворец»,— пишет Пушкин¹. И заключает: «Собака, выплыв на берег и не нашед его, оставила платок и побежала за ним».

У Пушкина бежит лакей, потом бежит Николай и, наконец, за ним, не найдя его на берегу, бежит собака. Этим приобретающим пародийный характер повторением в изображении всей сцены вносится сатирическая черта.

Можно добавить, что в рассказе О. Н. Смирновой — нам важно здесь увидеть тенденцию ее рассказа, независимо от того, происходило ли все так, как она сообщает,— Николай, спросив курьера, доставившего известие о казни, «отправился в часовню и велел отслужить панихиду, на которой он присутствовал, а затем заперся в своем кабинете». Пушкин же кончает тем, что фрейлина подняла брошенный платок «в память исторического дня».

В то время, как Николай ожидал в Царскосельском парке, на верке Петропавловской крепости совершалась казнь. «Говорили,— вспоминает в своих записках декабрист Лорер,— что с того момента, как нас вывели из казематов, каждые четверть часа скакали с донесениями в Царское село фельдъегеря». Ожидали помилования. «Но, увы,— курьеры мчались в Царское село, и обратного никого не было...»

Пушкин не мог, конечно, ограничиться в своей «Истории» изображением Николая в день казни. День, в который Пушкин услышал о казни декабристов, он отметил криптограммой, записав начальными буквами: «Услышал о смерти Р<ылеева>, П<естеля>, М<уравьева>, К<аховского>, Б<естужева>».

¹ Курсив наш.— И. Ф.

Графической записью о казни являются рисунки поэта. Пушкин рисовал виселицу с пятью повешенными на ней декабристами и рядом с одним из этих рисунков написал: «И я бы мог...» Он знал «лютые подробности казни», которые через несколько дней после того, как она совершилась, сообщал в одном из своих писем Вяземский и о которых, вне сомнения, рассказал Пушкину, возвращенному вскоре из ссылки в Москву.

«...О чем ни думаю, как ни развлекаюсь, а все прибывает меня невольно и неожиданно к пяти ужасным виселицам, которые для меня из всей России сделали страшное лобное место. Знаешь ли лютые подробности сей казни? — писал жене Вяземский в этом письме. — Трое из них: Рылеев, Муравьев и Каховский, еще заживо упали с виселицы в ров, переломали себе кости, и их после этого возвели на вторую смерть».

Рассказывали, что Рылеев, весь окровавленный, поднялся на ноги и, обратившись к Павлу Кутузову, главному распорядителю казни, сказал: «Вы, генерал, вероятно, приехали посмотреть, как мы умираем. Обрадуйте вашего государя, что его желание исполняется: вы видите — мы умираем в мучениях...» На «неистовый» возглас Кутузова: «Вешайте их скорее снова!» — Рылеев ответил: «Дай же палачу твои аксельбанты, чтоб нам не умирать в третий раз!» Знал ли об этом Пушкин? Да, знал, конечно. Все это (вспомним свидетельство жен декабристов — А. Г. Муравьевой и Е. И. Трубецкой) «в тот же день» рассказывали как достоверное, сделавшееся известным через молодого адъютанта Кутузова.

Вопреки лживому рапорту самого Кутузова, доносившего Николаю, что сорвавшиеся с виселицы («по неопытности наших палачей») Рылеев, Каховский и Муравьев «вскоре опять были повешены», «на вторую смерть» возвели их не «вскоре».

«Дай же палачу твои аксельбанты!» (взамен веревок), — бросил Кутузову Рылеев... «Запасных веревок не было, — вспоминал позднее начальник Петропавловского кронверка В. И. Беркопф, — их спешили достать в ближайших лавках, но было раннее утро, все было заперто, почему исполнение казни еще промедлилось...»

«Когда Пушкин заносил ту или иную деталь на память потомству, — указывал в своих комментариях к «Дневнику» поэта П. Щеголев, — он смотрел на нее, как на деталь картины, которую нарисует в будущем на основании записей «Дневника» или он сам или неведомый читатель и исследователь... Необходимо, — делал Щеголев правильный вывод, — всякой записанной Пушкиным детали отыскать место в картине», поясняя: «Мы должны оправдать надежды, которые Пушкин возлагал на потомство, оставляя ему свой «Дневник».

Если мы поставим вопрос, частью какой картины должна была являться сцена, изображающая Николая в минуту получения известия о казни, то поймем, что сцена эта представляет собой часть задуманной Пушкиным исторической картины, посвященной дню казни декабристов. В записках декабристов запечатлена сцена совершения казни. Герцен, мы видели, считал необходимым, изображая день 13 июля, показать Николая I в ночь перед казнью. Пушкин показал его в час казни, точнее, в минуту получения известия о ней.

Задумав писать в Истории своего времени «об 14-м декабря» (как писал он, по свидетельству Александра Тургенева, о «возмущении 1825 года» в сожженной главе «Онегина»), Пушкин не мог не писать вместе с тем о 13 июля. Недаром же, записав впоследствии, как и Пушкин, со слов той же А. О. Смирновой, рассказ о Николае в час казни, поэт Полонский — вместо «13 июля 1826 года» — невольно записал: «14 декабря 1825 года», собака, платок обыкновенный».

Пушкин готовился писать об историческом дне 13 июля в Истории своего времени, как писал в дошедших до нас — пусть в искаженной передаче — стихах о казненном «пророке России», который является царю-«убийце» в «позорных ризах», «с вервием вокруг выи»...

Вспомнив все это, вспомнив все, что знал и писал Пушкин о казни, мы поймем действительный смысл закрепленной Пушкиным в «Дневнике» сцены, изображающей Николая в час казни декабристов.

Достаточно припомнить описание казни, которым оканчивается пушкинская «История Пугачева», чтобы понять, чего лишились мы из-за того, что новый исторический замысел Пушкина остался неосуществленным и от материалов, относящихся к «историческому дню» 13 июля 1826 года, сохранилось в бумагах поэта только немного: буквы тайной записи о казни, рисунки, изображающие вал Петропавловской крепости, на нем виселицу с пятью повешенными декабристами, и портрет Николая в день казни — в «Дневнике» Пушкина.

Пушкин стремился закрепить скрываемые официальной историографией черты кровавого императорского периода русской истории. Иначе, как семейным портретом Романовых, едва ли можно назвать страницу пушкинского «Дневника», из которой приводят обычно только заключительные строки, характеризующие Николая I. Между тем характеристика Николая является только завершением выразительно очерченного Пушкиным в немногих строках семейного портрета последних —

для него — четырех царей. Семейный портрет этот открывается изображением Екатерины II.

«Конец ее царствования,— пишет Пушкин,— был отвратителен. Константин уверял, что он в Таврическом дворце застал однажды свою старую бабу с графом Зубовым. Все негодовали, но воцарился Павел и (замечает Пушкин) негодование увеличилось». Лагарп, продолжает он, «показывал письма молодого великого князя (будущего императора Александра I.— И. Ф.), в которых сильно выражается это чувство. ...В Александре было много детского. Он писал однажды Лагарпу, что, дав свободу и конституцию земле своей, он отречется от трона и удалится в Америку». Пушкин приводит по этому поводу запомнившееся ему сравнение Александра с Николаем I, говорящее о «ложных идеях», свойственных не только Александру, но и более «положительному», то есть более трезво мыслившему, Николаю. И лишь после всего сказанного, сравнивая Николая I уже не с братом Александром, а с Петром Великим, на которого Николаю так хотелось бы походить, Пушкин заключает: «Кто-то ска- зал о государе:

— В нем много от прапорщика и немного от Петра Великого».

В «Дневнике» Пушкина, как видим, сохранились строки, обличающие разврат престарелой Екатерины, жизнь Александра — сначала при Павле «под топором», а потом «окруженного убийцами его отца», и Николая — в час казни.

Уяснив замысел Пушкина и способы, пользуясь которыми он закреплял собранный исторический материал, мы получаем возможность видеть, как подготавливалось в «Дневнике» поэта изображение лиц и событий современной истории: на страницах этих проступают наброски эпизодов, которые должны были быть перенесены Пушкиным — после дальнейшей доработки — на полногн задуманной им исторической картины.

Ведя «Дневник», Пушкин подготавливал не «малую», «домашнюю» историю — историю «большого света и двора» (пусть даже написанную пером сатирика, как думают некоторые исследователи), а большую Историю своего времени. Встречая при дворе и в петербургском свете участников исторических событий, Пушкин, собиравший в те же годы в архивах материалы для «Истории Петра» и писавший «Историю Пугачева», собирал одновременно рассказы о сегодняшнем историческом дне.

Правдивой истории своего времени ждали декабристы. «Исчез обряд судить народу умерших царей своих до их погребения,— писал Николаю I из крепости обреченный на смерть Каховский.— Но история предаст дела их на суд беспристрастного потомства. Не все историки подобны Карамзину, деяния века нашего заслуживают иметь своего летописца Тацита. Кто

знает, может быть, и есть он, но таится в толпе народа, работая для веков и потомства».

Таким историком готовился стать Пушкин, сказавший: «Непременно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться». Он готовил «Историю Петра I», писал «Историю Пугачева» и не оставлял мысли написать Историю своего времени. Эта последняя работа поэта и отражена на страницах его «Дневника».

СОДЕРЖАНИЕ

Последний труд Пушкина

«История Петра I» 3

«История моего времени»

Неизученный замысел Пушкина 31

Илья Львович Фейнберг ПОСЛЕДНИЙ ТРУД ПУШКИНА

На обложке: **А. С. Пушкин.** Рисунок
художника **Н. Кузьмина.**

Редактор — **П. КРАВЧЕНКО.**

А 00437. Подписано к печати 6/III 1962 г. Тираж 150 000. Изд. № 494.

Зан. № 49. Форм. бум. 70×108¹/₃₂. 0,75 бум. л.— 2,05 печ. л. Цена 6 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»,
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена 6 коп.

для ДЕТЕЙ препараты витаминов

ПРЕПАРАТЫ ВИТАМИНОВ

«А» и «Д»

на какао и фруктовом сиропе
полезны, вкусны и ароматны.

РОСМЯСОРБИТОРГ

